4 р.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1919-й

Вс. Вишневский

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1919-й

Лениздат • 1951

Вс. Вишневский

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ 1919-й

Ленинградское
газетно-журнальное и книжное
издательство
1951

За пьесу «Незабываемый 1919-й» постановлением Совета Министров СССР от 8 марта 1950 года В. В. Вишневскому присуждена Сталинская премия первой степени.

Переплет, титул и шмуцтитулы — гравюры художника Н. П. Кузнецова

Редактор Т. В. Буданова.

Технический редактор А. А. Соловейчик.
Корректор Е. Х. Исаева.

Подписано к печати 7/III 1951 г. М-15775. Бумага $70 \times 92^{1}/_{32}$ = = 2,5 бумажных = 6 печатных листов. Тираж 15 000 экз.
Изд. № ХС—2 332. Заказ № 1724. Цена 4 р.

Типография им. Володарского

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В. И. Ленин.
И. В. Сталин.
Воронов, член Революционного Военного Совета.
Шибаев, уполномоченный Особого отдела Балтфлота.
Комиссар округа.
Член Военного Совета армии.
Потапов, Иванченков, Данилова — путиловские рабочие.
Командир 1-го экспедиционного отряда Балтфлота.
Командир 2-го экспедиционного отряда Балтфлота.
Командир Петроградского морского отряда Балтфлота.
Комиссар эсминца «Гавриил».
Комиссар линкора «Андрей Первозванный».
Командир линкора «Петропавловск».
Командир стрелкового полка.
Командир броневого отряда.
Командир бронепоезда № 52.
Летчик воздушного дивизиона Балтфлота.
Молодой матрос Потапов.
Секретарь товарища Ленина.
Секретарь товарища Сталина.
Секретарь члена Революционного Военного Совета.
Женщина, жена командира.
Отрядник Никандров.
Перебежчик с форта Красная Горка.
Командир бригады, бывший генерал Николаев.
Комендант форта «Обручев».

Взводный 1-го экспедиционного отряда.
Перебежчик.
Летчик.
Связист.
Полковник Н. Н. Буткевич, начальник артиллерии Кронштадта.
Мадам Буткевич, его жена.
Леля, их дочь.
Александр Рыбалтовский, капитан 1-го ранга, начальник штаба Кронштадтской базы.
Адъютант полковника Буткевича.
Генерал Родзянко, командующий вооруженными силами Северо-Запада России.
Зейдлиц, начальник штаба Родзянко.
Неклюдов, командир форта Красная Горка.
Полковник Вадбольский.
Дэкс } английские
Эгар } шпионы.
Горничная Буткевичей.
Капельмейстер Мешков.
Военврач штаба Родзянко.
Адъютант генерала Родзянко.
Старший конвоец, унтер-офицер Жабоедов } конвоиры в штабе генерала Родзянко.
Конвоец, молодой солдат } конвоиры в штабе генерала Родзянко.
Мистер Боб.
Управдом.
Подполковник Остен-Сакен.
Барон Фитингоф.
Старичок.
Предводитель дворянства.
Первый делегат.
Второй делегат.
Земский деятель.
Старый минер.
Сигнальщик.
Гости у мадам Буткевич.
Красноармейцы, матросы, солдаты.

Действие происходит в 1919 году в Москве, Петрограде, Кронштадте и на фронте.

ПРОЛОГ

Май, 1919 год. Кремлевский кабинет В. И. Ленина. В окна падают слепящие лучи солнца. Ленин сидит за бумагами. Входит женщина-секретарь.

Секретарь. Вы вызывали товарища Сталина. Он пришел.

Ленин. Просите, просите, я ждал.

Секретарь выходит. Через короткий промежуток времени в кабинет входит И. В. Сталин. Ленин поднимается ему навстречу. Они здороваются.

Ленин. Очень, очень хотел вас видеть, товарищ Сталин. Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста. Сюда. Опять на фронтах назревает нечто крупное... Мне кажется, что Республика снова попадает в опасное положение. Я хотел вам сказать о том, что̀ меня беспокоит, и уже не первый день. Мы ведь с вами откровенны до конца, не так ли?

Сталин (*всё еще стоит*). Безусловно так, Владимир Ильич. Я говорю то, что думаю, хотя порой это может некоторым и не нравиться.

Ленин. Вот я и хотел бы сказать нечто, что не понравится нашему Реввоенсовету Республики

и, может быть, еще кое-кому... Присаживайтесь, пожалуйста...

Товарищ Сталин садится.

Итак... Убеждаюсь всё больше, что наш Реввоенсовет работает плохо... О сосредоточении сил Колчака он предупредил поздно, недопустимо поздно... Колчак по очереди бил Третью, потом Вторую, потом Пятую армии. А нас «успокаивали»... Что получилось — известно... Сейчас повторяется такая же история с Деникиным, — и боюсь, что может повториться подобное же под Питером...

Сталин. Совершенно разделяю ваши опасения.

Ленин. Реввоенсовет успокаивает. Повидимому, метод, привычка — успокаивать и успокаивать. Плохая тактика. «Игра в спокойствие»...

Сталин. Которое каждый раз сменяется истериками Троцкого...

Ленин. А на деле застой, почти развал. Ставят негодных военных руководителей.

Сталин. Или поощряют болтунов или заведомых предателей...

Ленин. Такая практика к добру не ведет. Вот и неуспехи, нас бьют... Смотрите. *(Показывает по карте.)* На юге неуспехи. Деникин прорвал фронт... А в ЦК присылают обещания, схемы, рисуночки — о противнике забывают. Главком так и сообщает: «Война на юге принимает оборот, неблагоприятный для нас. Свою задачу Украинский фронт решить не может за отсутствием войск»...

Сталин. Что он сообщает о Северо-Западном фронте, о Питере?

Ленин. Он даже не упоминает о Питере. Говорит лишь, что формирования Западного фронта оказались никуда не годными.

Сталин. По-моему, не войска оказались негодными, а автор этого сообщения, главком...

Ленин. Я уверен, что этой весной Антанта опять начнет натиск. Они хотят дать нам «последний бой», наступить нам на горло... Уже распространяются слухи о походе четырнадцати держав. Гм, четырнадцати? Посмотрим... подсчитаем... Англия, США, Франция, Италия, Япония, Греция, Югославия, Чехословакия, Польша, Финляндия, Эстония, Латвия плюс Колчакия и Деникия... Да... подсчет точный. Очевидно, это совершенно ясно обдуманный и решенный в Париже или Лондоне шаг. Это — инспирации, замыслы Черчилля. А эти наши «деятели» в такие дни шлют схемы, рисуночки, обещания!.. Но сами себя и опровергают: этот фронт не может, этот не в состоянии... Что бы я хотел особо отметить — противник всё упорнее действует изнутри: огромные заговоры, — я уже говорил Дзержинскому, — усилились действия иностранных агентов, усилились кулацкие восстания, участились взрывы на железных дорогах... В Петрограде была сделана попытка взорвать водопровод... Вдобавок голод... Бедствия Питера, действительно, велики... Сыпняк... Вот мне пишут путиловцы. *(Протягивает письмо рабочих.)*

Сталин *(быстро пробегает его)*. Смело и правильно пишут. Я знаю некоторых из авторов письма.

Ленин. Надо всё перестраивать по-военному. А нас успокаивают или обещают, что дела будут еще хуже... Чёрт знает что!.. В Питере — скопища бывшего офицерства, бывших собственников, переходы через границу... Кто там наблюдает за порядком?! В военном деле все эти упущения преступны, гибельны. Схемы, рисуночки... Мосты, водокачки на воздух взлетают, а они рисуют. Или жалуются, что отдали уже все силы и ничего больше дать не могут. Это Питер-то? Сидят там... *(Махнул рукой.)* Иосиф Виссарионович, если надо будет, на два, три, четыре месяца закроем все учреждения, всё не безусловно необходимое, проведем массовые мобилизации коммунистов, рабочих, но людей на фронт дадим. Противника отбросим.

Сталин *(встав)*. Полностью согласен с этими предложениями. Я хотел бы добавить о делах Петрограда.

Ленин. Да, да... Глаз спускать с Петрограда нельзя. Город этот не может быть сдан ни в коем случае.

Сталин. Тамошнее руководство не понимает или не хочет понимать этого... Белогвардейский Северо-западный корпус под английским прикрытием с моря нанес несколько ударов, и в Петрограде растерянно, даже панически «отреагировали»: дали «директиву» об эвакуации города...

Ленин насторожился.

Это еще не всё: дали вторую «директиву» — о потоплении кораблей Балтийского флота.

Ленин. Это преступление!.. *(Вызывает секретаря.)*

Входит секретарь.

Прошу прощения. *(Секретарю.)* Пишите. *(Диктует.)* «Петроград. Смольный. В целях выяснения положения дел в Петрограде, Совет Обороны предлагает дать исчерпывающий ответ: по каким соображениям было решено эвакуировать некоторые заводы Петрограда и окрестности, кем и почему дано было распоряжение о потоплении судов...». Всё.

Секретарь. Подпись ваша?

Ленин. Да... Отправить вне всякой очереди...

Секретарь уходит.

Этакие удельные князья: хочу — уезжаю, хочу — отступаю, хочу — топлю флот... Существует ли для них ЦК, существует ли правительство?.. С уделами покончим. Эти настроения надо раздавить — и решительно... И тут мы рассчитываем на вас, товарищ Сталин... Вы знаете дела Петрограда...

Сталин. В меру возможности, Владимир Ильич.

Ленин. Я просил бы вас изложить ваши соображения о Питере и о военной и политической обстановке на Петроградском фронте с вашей точки зрения.

Сталин *(подходя к карте)*. Противник думает окружить Петроград... Вероятные направления ударов: с Озерного участка — заход с востока; с Карельского перешейка — удар с севера,

накоротке, до города каких-нибудь тридцать километров; Нарвский участок — удар с запада, на Гатчину, Красное Село, Тосно. Цель: перерезать Октябрьскую железную дорогу. С моря возможны английские удары по Кронштадту, десанты... Затем возможен удар от Пскова на Дно—Бологое... Наиболее опасным я считаю Нарвский участок. Северо-западный белогвардейский корпус, поддержанный с моря английской эскадрой и белоэстонцами, начал наступление четыре дня тому назад...

Ленин. Иосиф Виссарионович, я вызвал вас, чтобы от имени ЦК просить отправиться на Петроградский фронт.

Сталин. Я готов выполнить поручение партии.

Ленин. Одну минуту. *(Вызывает секретаря.)*

Секретарь входит.

Нужно заготовить мандат для товарища Сталина.

Секретарь. Да... Я записываю, Владимир Ильич.

Ленин. На бланке Совета Народных Комиссаров. «17 мая 1919 года. Совет Рабоче-Крестьянской Обороны командирует члена своего, члена Центрального Комитета Российской Коммунистической партии, члена Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов Иосифа Виссарионовича Сталина в Петроград... *(Пауза.)* ...и в другие районы Западного фронта...» *(Сталину.)* Там части как будто никуда не годные... *(Снова диктует.)*

«...для принятия всех необходимых экстренных мер в связи с создавшимся на Западном фронте положением...» Так... Это еще не всё... «Все распоряжения товарища Сталина обязательны для всех учреждений, всех ведомств, расположенных в районе Западного фронта». Так... И это не всё... Надо подкрепить ваш опыт Царицына и Перми... «Товарищу Сталину предоставляется право действовать именем Совета Обороны, отстранять и предавать суду Военно-Революционного Трибунала всех виновных должностных лиц»... Есть у вас, товарищ Сталин, какие-нибудь дополнения?

Сталин. Нет, документ исчерпывающий.

Ленин *(секретарю)*. Перепечатайте сейчас же — и мне на подпись.

Секретарь. Сейчас перепечатаю и принесу, Владимир Ильич. *(Уходит.)*

Ленин. Ну, теперь мы с вами будем «их» успокаивать. Мы им пошлем рисуночек и покажем нашу схему...

Сталин. Я бы хотел, Владимир Ильич, затронуть некоторые практические вопросы...

Ленин. Не теряя ни минуты?..

Сталин. Да. Вот этот автор кислых сообщений — я говорю о главкоме — тоже хочет вывести Балтийский флот из строя. Он не рискует топить Балтийский флот сразу, как это хочет сделать Зиновьев... Он предлагает превратить линкоры и крейсеры в пловучие форты... Их будут таскать буксиры...

Ленин. То-есть, как? Это же значит лишить флот подвижности, оперативности... Идейка, простите, архиглупая...

Сталин. Значит, считаем, что Балтийский флот остается в качестве действующего флота. Уверен, что матросы Балтийского флота сумеют себя показать как революционная сила. Балтийский флот может оказаться очень нужным.

Ленин. Согласен. Флот не раз помогал партии и еще поможет. Да, кстати, учтите и тактику врага, приемы этого Черчилля: авантюризм, налеты, отчаянные предприятия, сеяние паники... Внушите Питеру: бдительность, доведенная до высших пределов. Принимайте любые меры. Лучше посадить или расстрелять сотни изменников, чем позволить белым перепороть, перебить десятки тысяч трудящихся...

Сталин. И еще одно предложение.

Ленин. Я слушаю.

Сталин. Вы дали второго мая указание за вашей подписью о введении в Петрограде осадного положения и ряда мер... Я не уверен, что тамошнее руководство довело это до масс... Я предлагаю поэтому обратиться от имени ЦК к петроградскому пролетариату.

Ленин. Отличное предложение... Не будем терять времени. Запишем... *(Записывает.)* «К рабочим и всем трудящимся Петрограда. Красный Петроград находится под серьезной угрозой. Питерский фронт становится одним из самых важных фронтов Республики».

Сталин. «Советская Россия не может отдать Петроград даже на самое короткое время. Петроград должен быть защищен во что бы то ни стало»...

Ленин. «Слишком велико значение этого города, который первый поднял знамя восстания против буржуазии и первый одержал решающую победу. Питерские рабочие, не жалея сил, отдавали десятки тысяч борцов на все фронты. Теперь вся Советская Россия должна прийти на помощь Петрограду»... Так?

Сталин. Скажу по секрету, Владимир Ильич, что думаю обойтись без присылки резервов. За счет внутренних сил Петрограда... Я уверен, что это возможно. Отвлекать внимание других фронтов, просить помощи не намерен.

Ленин. Ну, хорошо... действуйте, как вы считаете полезным. Оставим этот текст в качестве основы... Затем обсудим на Политбюро, и не позже, чем через три дня, текст будет опубликован.

Секретарь вносит готовый мандат.

(Подписав мандат.) Вручаю вам... И как ни тяжело положение, уверен: выдержим, устоим; народ у нас чудесный... Одолеем... останется позади эта гражданская война, откроется главное: мирное строительство. Как оно привлекает! Мы хотим его, ждем его... Посвятим ему все свои усилия, всю свою жизнь. Вам еще сорока нет, вы молоды, Иосиф Виссарионович, еще многое увидите... Ну, пожелаю успеха. Помните: противник опасный, душить умеет, душит до конца. А Черчилль — это старый колониальный каратель.

Сталин. С врагами будем действовать по-вражески. Это мы их додушим, и до конца.

Ленин. Да, минутку: пожалуйста, передайте привет морякам Балтфлота и бойцам и командирам Петроградского фронта.

Сталин. Передам обязательно. До свиданья!

Ленин. Всего вам доброго.

Крепкое рукопожатие.

И прошу вас: по делу обращайтесь ко мне в любую минуту, в любой обстановке...

Занавес

ПЕРВЫЙ АКТ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

КВАРТИРА НА СЕРГИЕВСКОЙ

Петроград. Великолепная квартира Буткевичей на Сергиевской улице. Большая ампирная гостиная. Легкие колонны. Изящная обстановка. Рояль.

Звонок. Пробегает миловидная горничная. Она пропускает в гостиную двух посетителей.

Дэкс. Лиза, мадам еще не вернулась?

Горничная. Должна быть вот-вот — как всегда, к шести.

Часы где-то бьют шесть. Звонит телефон. Горничная подходит.

Дэкс. Нас и просили к шести.

Горничная. Слушаю... Их еще нет. Приходят со службы в шесть. *(Смотрит на посетителей.)* Нет, к ним никто не заходил. Пожалуйста. Передам...

Дэкс. Кто звонил?

Горничная. Из посольства...

Дэкс. Какого?

Горничная. Не сказался...

Дэкс. Ну, мы подождем мадам... Идите, Лиза.

Горничная. Может, вам подать что-нибудь?

Дэкс. Спасибо. Чего-нибудь холодного, Лиза.

Горничная уходит.

Эгар. Итак, я в салоне мадам Буткевич?

Дэкс. Сэр, вы в салоне мадам Буткевич.

Эгар. Кто она и откуда?

Дэкс. Это лихая, своеобразная дама. Она завербована мною в 1914 году, пять лет тому назад. Ее муж — полковник береговой артиллерии. Она освещала нам русский Балтийский флот, затем ей поручали и более крупные дела. У нее был и сохраняется салон. Здесь, сэр, бывали и великие князья, министры, и деятели Думы, и наш посол — сэр Бьюкэнен, и представители армии и флота. Здесь бывал, затем, Керенский...

Эгар. Обширные связи...

Дэкс. В 1917 году — по обстоятельствам — я устроил ее машинисткой в Смольном, в учетном отделе.

Эгар. Превосходная позиция. У меня ряд конкретных вопросов именно по этому отделу...

Дэкс. Уверен, что мадам сделает для вас всё необходимое... Как прошла ваша поездка из Лондона?

Эгар. Превосходно. Штилевые погоды, я первый раз наблюдал эти северные белые ночи... Но что же она не идет?

Дэкс. Возможно, несколько запаздывает...

Горничная вносит на подносе хрустальный графин и два бокала.

Горничная. Пожалуйста. Морс.

Дэкс. Лиза, вы гений...

Горничная, вспыхнув, уходит.

Дэкс. Русский клюквенный морс, со льда...

Эгар. А, «русская клюква»?.. Любопытно...

Дэкс. Сэр, я был бы очень благодарен, если бы вы сообщили информацию, которая ориентирует меня и моих сотрудников в обстановке.

Эгар. Я привез письма военного министра мистера Уинстона Черчилля к нашим руководящим деятелям в Петрограде. Морс великолепен. Вы можете быть в курсе дел.

Дэкс слегка кланяется.

Задумана необычная и смелейшая операция. Черчилль неутомим.

Дэкс. Русские насторожены, сэр. Из документов, которые раздобыла мадам Буткевич, ясно, что еще в апреле Ленин дал ряд приказов, касающихся Петрограда, в частности, по линии ЧК...

Эгар. Почему нет этой мадам? Время идет...

Дэкс. Не понимаю, что могло ее задержать.

Эгар. Прошу, продолжайте о Ленине и его приказах.

Дэкс. Город на осадном положении...

Эгар. Это сильно затруднило мне перейти границу Финляндии и добраться до Петрограда.

Дэкс. В город прибыл народный комиссар, уполномоченный Совета Обороны Сталин.

Эгар. Какова его роль?

Дэкс. Это ближайший единомышленник Ленина, его друг и помощник. В декабре 1917 года, когда Ленин уходил в отпуск, Сталин был назначен председателем Совета Народных Комиссаров, то-есть премьером. Через год примерно, когда был создан Совет Обороны, в связи с расширением, как говорят русские, интервенции, Сталин был назначен заместителем председателя. Председатель — Ленин.

Эгар. И вы придаете особое значение приезду Сталина в Петроград?

Дэкс. Безусловно.

Эгар. All right! Обдумаем и этот вопрос и это препятствие. Но при всей подозрительности и настороженности русского руководства — они и не подозревают, что готовится... Слушайте внимательнее... Мистер Черчилль указал...

Звонок телефона. Оба настороженно поворачиваются. Горничная входит, берет трубку.

Горничная. Слушаю... Ольги Симеоновны дома нет. Когда будет? Должна быть скоро. Приносили ли пакет? Нет, никого не было... Еще позвоните? А как передать? Хорошо. *(Вешает трубку, уходит.)*

Эгар. Видно, что дама деловая... Но куда она пропала?.. Дэкс, это меня беспокоит...

Дэкс. Меня тоже начинает беспокоить. Что же могло случиться?

Эгар. Я продолжаю... Мистер Черчилль дал сигнал: действовать. Созданный русскими деловыми кругами «Национальный центр» — вы тут много помогли, Дэкс, — готов к выступлению. Сеть «Национального центра» охватила сотни людей.

Дэкс. Тут ценную помощь оказала мадам Буткевич. Ее муж сейчас начальник артиллерии Кронштадта.

Эгар. О, отлично! Так вот, главные черты плана Черчилля: Северо-Западная армия генерала Родзянко ведет удар на Петроград, передовые части генерала подойдут не сегодня-завтра к Красной Горке... Мне сообщил об этом наш резидент в Гельсингфорсе. Следующий шаг, Дэкс, — восстание на Красной Горке. Там есть наш человек: поручик Николай Неклюдов; затем — по нашему плану — произойдет восстание в Кронштадте, затем — шах и мат: мы в Петрограде. Понятна вам идея плана?

Дэкс. Я подумаю и скажу вам через несколько минут. Но почему ее нет?

Эгар. Черчилль рассчитал всё. О, это голова! Он имеет великолепный опыт. Индия, Куба, Судан, война с бурами, война с Германией... Черчилль отлично осведомлен о делах России. «Национальный центр» — он получает по меньшей мере пятьдесят тысяч фунтов стерлингов ежемесячно — сообщает: «Петроград отдадут легко. Войска сражаться не будут»... Действительно, к белым перешло за последние дни несколько полков. Это ваша работа?

Дэкс. Это работа полковника Буткевича, сделанная по моим инструкциям.

Эгар. Следите дальше. Черчилль учел одно из последних донесений «центра»: «Двигайтесь вперед во что бы то ни стало, чем стремительнее, тем лучше... Мы готовы к восстанию внутри города»...

Дэкс. Да, здесь есть значительные кадры.

Эгар. Тогда всю операцию, может быть, удастся провести в несколько дней. Это будет пилюля в горло большевиков... Нет, я положительно встревожен... где ваша Буткевич?

Дэкс. Я теперь отвечу, сэр, на некоторые затронутые вами вопросы. Мое мнение о плане и вообще о делах в России. Сэр, Россия — страна сюрпризов, страна неограниченных возможностей. Может быть, кстати, какой-нибудь сюрприз выпал и на долю мадам Буткевич, и нам надо быть осторожнее. Полезно помнить опыт последнего года: сколько планов уже сорвалось. У большевиков дьявольское умение выходить из самых невероятных затруднений.

Эгар. Каким образом?

Дэкс. Путем напряженнейшей борьбы, организаторских и агитационных усилий и феноменальной энергии. Ленин — необыкновенный интеллект, он непреклонен и дальновиден. Он за полтора месяца до сообщенного вами плана мистера Черчилля указал на опасность. Сталин уже на месте. Он мастер крупных операций. Нужно считаться с ним, с его мерами.

Звонок. Оба встревоженно привстают. Горничная идет открывать.

Дэкс. Лиза, дома никого нет. Не впускать.

Горничная кивает. Слышно, как открылась дверь, хлопнула. Кто-то, очевидно, пришел.

Горничная (*входя*). Это барышня.

Входит Леля.

Леля. Здравствуйте, Поль.

Дэкс. Леля, позвольте познакомить вас с моим другом...

Эгар. Эгар.

Леля. Леля Буткевич. Извините, я на минутку пройду к себе.

Эгар делает молчаливо-вопросительный знак в сторону ушедшей.

Дэкс. Ее дочь... Уже помогает мадам. Служит в штабе Петроградского фронта.

Эгар. Тоже отличная позиция.

Дэкс. Да. Засекреченная машинистка-стенографистка.

Эгар. Что значит «засекреченная»?

Дэкс. Допущенная к секретной переписке.

Эгар. All right! Вернемся к делу. Значит, у вас сомнения насчет нашего плана?

Дэкс. Нет, сэр, но я хотел бы предупредить вас официально. Вы первый раз в России. Я в ней родился, мой отец владел шахтами в Донецком бассейне — мистер Стаффорд Дэкс из Дайтона. Образование я получил, конечно, в Англии. В Оксфорде. Затем был направлен снова в Россию.

Э г а р. Когда?

Д э к с. В начале мировой войны. Я ставил британскую разведку в Петрограде. Я не покинул поста, когда после революции весь состав британского посольства распылился.

Э г а р. Досадный случай.

Д э к с. Я уже говорил, что Россия — страна необычайных возможностей. Здесь возможно даже распыление британского посольства. Продолжу. Я был покинут, потерял все связи, но я прокормил себя: я был красноармейцем, матросом... Я был механиком. Недавно я внушил Зиновьеву идею полного ремонта всех автомашин и мотоциклов. Он благословил эту идею. Сейчас Петроград и фронт лишены мототранспорта. Я устроил разборку всех моторов, перемешал их и разбросал по десяткам складов и мастерских... Всё превращено в ржавый лом. Полагаю, сэр, что это наиболее крупная и толковая диверсия, сделанная одним человеком и в нужный момент.

Э г а р. Это интересно, Поль. Продолжайте совершенно откровенно. Я рад знакомству с вами.

Д э к с. Я же внушил Зиновьеву идею потопления Балтийского флота. Уже дело готовилось, но сорвалось из-за вмешательства Москвы. Прошу, сэр, прощения, но мне хотелось бы еще рассказать вам о России...

Э г а р. Я слушаю, слушаю.

Д э к с. Может быть, я зайду в исторические детали, еще раз прошу прощения. Но мне хотелось бы, чтобы вы ясно представили себе суть русского противодействия. Идя в операцию, по-

лезно предвидеть ее ход... Итак, о традиции человеческого бытия. Что выпадает на долю смертного? Страдание, греховность, искупление, смирение... И основа основ бытия: человек обречен на постоянную войну. Воюют все против всех. Каждый под своим знаменем: «я», «мне», «мое»... Повсеместный крик о себе... Всемирный стан неутомимых эгоистов... Так вот — Россия первая кончает с этим. Она ищет путь не для эгоистической личности, а для всех, для масс. В России заявили о человеческом достоинстве каждого. О том, что человек от рождения добр, хорош... что его калечат лишь внешние, социальные условия. А раз так — условия должны быть изменены... Уродство мира, полагают большевики, излечимо, исправимо.

Э г а р. Любопытно. О чем они еще заявили?

Д э к с. У них, скажем объективно, феноменально смелая концепция. Она рушит старые, косные, мистические представления о неисправимости мира, о зле... Советская Россия верит в человека. «Человек — это звучит гордо». Он выше всех, он — основа основ мироздания, явление небывалое... Они, большевики, раскрыли перспективы, разбудили в массах силы, чувство достоинства, дерзания, мечтания. Вот в этом, сэр, их огромная наступательная сила... а их более 150 миллионов... Они уверены, что способны на всё, всё решат, одолеют. Они уверены, что их поймут, поддержат, что правда, большая правда этого мира, на их стороне. И это охватило всю страну, это пожар душ. В большевизме сконцентрирована вся тоска человеческая, всё недовольство, все чаяния, ожидания, надежды...

Э г а р. Когда я был молод, Дэкс, я тоже старался показать начальству, что я постиг душу того или иного народа. Я тоже блистал знаниями... Могу вам сказать: «браво»... Вы искренни и убедительны. Это высокий класс для разведчика. Представляю себе, как вы обрабатываете русских. Но к делу. Итак: армия Родзянко доходит до Красной Горки, мы вызываем на флоте восстание... Затем подымаем Петроград, затем британская эскадра приходит в Неву. План ясный и смелый. Британский план.

Д э к с. Вот на случай прихода нашей эскадры мне и нужна Буткевич. Но за каждый разговор она требует денег...

Э г а р. Я поговорю с ней и уплачу, если так нужно... Меня интересует коммунистическая организация...

Д э к с. Понимаю. Это важно, сэр. Но я просто в тревоге: где эта мадам Буткевич? Не исчезла ли она?

Э г а р. Не схватили ли ее? Я чувствую, что попадаю в какой-то неизвестный, опасный, любопытный мир.

Д э к с. Желаю вам, сэр, ориентироваться в этом любопытном мире и остаться целым...

Э г а р. Могу ответить пожеланием того же...

Звонок.

Г о р н и ч н а я *(бежит открывать)*. Это, наверное, мадам!

Входит м а д а м Б у т к е в и ч. Оба англичанина встают.

Д э к с. Мадам, позвольте представить вам моего друга, капитана второго ранга мистера Эгара. Он очень интересуется вашей блестящей деятельностью и хотел бы побеседовать с вами...

М а д а м Б у т к е в и ч. Капитан второго ранга — это подполковник? Буткевич, Ольга Симеоновна. Жена полковника... Господа, какие новости! Армия Родзянко блестяще наступает... Она уже в семидесяти верстах от нас. Господа, это «канун»! И Англия нам помогает... Почему я задержалась? Масса работы... Здесь теперь Сталин. Проводится мобилизация коммунистов. Уйма дел... Лиза! Что тут пьют? Боже, морс! Бутылку коньяку! Эти дамские рюмки оставьте мужчинам, мне принесите мужской бокал... Лиза, подождите. К коньяку принесите мне перцу... Присаживайтесь, джентльмены... Ну, кто же так пьет? Ну, ничего, мы это сейчас поправим... Поль, можно говорить всё?

Д э к с. Ну, что за вопрос!

М а д а м Б у т к е в и ч. Еще вопрос: это приватная беседа за рюмкой или деловая беседа, которая по-деловому и оплачивается? Мистер Эгар?

Э г а р. Беседа закончится вознаграждением.

М а д а м Б у т к е в и ч. Вот это я ценю.

Г о р н и ч н а я приносит бокалы и перец.

(Налив себе солидный бокал.) Так, теперь чуть-чуть перчику. Вам тоже?

Мужчины испуганно отстраняются.

Не хотите, как хотите... Ваше здоровье, джентльмены! *(Лихо выпивает.)*

Эгар. Могли бы вы мне сообщить некоторые сведения о Петрограде?

Мадам Буткевич. Могла бы. Я коренная уроженка Петербурга — терпеть не могу этого названия «Петроград» — и знаю в столице многих. Кто и что вас интересует? Выпьем?.. *(Наливает снова.)* Здоровье Родзянко!

Эгар. Что вы можете сказать о коменданте Красной Горки Неклюдове?

Мадам Буткевич. Ну, боже!.. Nicolas Неклюдов — милый юноша, я его помню еще кадетиком... Поручик, связанный с нами. Он горячий, энергичный, но, советую запомнить, неврастеник. А почему вы спрашиваете о нем? В связи с Красной Горкой?

Оба англичанина молчат.

Ага, конспирация... Молчу...

Эгар. Каковы настроения в петербургских деловых кругах?

Мадам Буткевич. Мы очень долго вас ждали... Работа шла раздробленно. Выступления носили случайный, эпизодический характер. Теперь, благодаря мистеру Дэксу и его шефам *(улыбается Эгару)*, создался центр. Петербург!.. Надеюсь, вы понимаете его значение. Отсюда мы развернем борьбу за великую Россию. Выпьем! *(Чокается, пьет.)*

Эгар пьет.

Мы терпеливо собираем бывшее офицерство, юнкеров, гардемаринов, бывших полицейских, военное чиновничество, наконец, добровольцев. Мы ждем лишь сигнала... Погибнуть от ЧК мы всегда успеем, но раньше надо сделать всё возможное, чтобы гибнуть со спокойной совестью. Не так ли, Поль? Выпьем!..

Дэкс. Гибнуть вообще не надо.

Эгар. Разделяю: гибнуть не надо, гибнут неумелые... Что вы можете сообщить мне о господине Родзянко?

Мадам Буткевич. Он был в царской армии подполковником. Сделал в последнее время блестящую карьеру. Племянник известного Родзянко, председателя Государственной думы. Исчез куда-то в восемнадцатом году, по слухам, в свое имение под Ригой, потом появился вновь, сделал визит на английскую эскадру. Ну, это вам известно...

Эгар. Каковы его лозунги?

Мадам Буткевич. «Армия приводится к присяге царю и русскому государству»... Выпьем! *(Чокается, пьет.)*

Эгар. Перейдем к Петрограду.

Мадам Буткевич. Перейдем. Но, боже, вы трезвы, как девочки!

Эгар. Прежде всего о коммунистах города.

Мадам Буткевич *(хлопнув Эгара по плечу)*. О'кэй!.. Сразу виден деловой мужчина. Отвечу. Записывайте: в городе десять районов

Эгар делает пометки.

К данному времени в партийной организации

семь тысяч человек. Процент мужчин — восемьдесят три, женщин — семнадцать. Классовый состав — абсолютное преобладание рабочих. Эти семь тысяч способны поднять город. Дисциплина особая. Они все сведены сейчас в боевые отряды, по районам. Их лестно аттестует сам Ленин. Когда вы проходите мимо районных комитетов, вы слышите непрерывный треск винтовочных затворов. Эти люди обучаются. Это будут тысячи большевистских офицеров... Ах, господа, всё это надо видеть, пережить, понять... А эти мальчики — комсомол: «Только через наши трупы проклятые интервенты и белые войдут в город»... Еще коньяку?

Эгар. Мадам, не помешает ли это нам?

Мадам Буткевич. Х-ха!.. *(Пьет.)*

Эгар. А вы могли бы, мадам, дать полный список коммунистов Петрограда? Вы говорили, что их семь тысяч?

Мадам Буткевич. Могла бы... Даже с краткими характеристиками.

Эгар. И адресами?

Мадам Буткевич. Ага, будете «брать из кроваток»? «А что ты делал с семнадцатого года?»... Да, и адреса. Сэр, это будет стоить пятнадцать тысяч рублей в царской валюте, или полторы тысячи фунтов стерлингов в британской. Предпочитаю наличными.

Эгар. Гарантии?

Мадам Буткевич. Мое имя!..

Дэкс. Почем же это выходит, семь тысяч коммунистов пятнадцать тысяч рублей?

Мадам Буткевич. Мм... Сейчас прикину... По два рубля пятнадцать копеек.

Эгар. Вы особо будете сообщать нам и о Сталине. *(Вручает пачку банкнот.)* Здесь полторы тысячи фунтов стерлингов.

Мадам Буткевич *(аккуратно пересчитывает)*. Счет точен. За особые сообщения вы уплатите особо... Они будут у нас в руках!

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

ВАГОН СТАЛИНА

Поезд товарища Сталина на путях Балтийского вокзала в Петрограде. Хорошо оборудованный для штабной работы вагон. Зеркальные широкие окна, светлые занавески. Столы, карты. столик с пишущей машинкой, рабочий стол. Поздний час.

Секретарь. Товарищ Сталин, не сделаете ли перерыв? Пропустили обед и ужин.

Сталин. Нет. Кто там на очереди?

Секретарь. Вызванный вами член Военного Совета армии прибыл.

Сталин. Пусть входит.

Секретарь уходит. Через некоторое время входит член Военного Совета армии. Он неопрятно одет, взлохмачен, в пенсне. Держится нервно. Сразу начинает болтливо-резко.

Член Военного Совета. Вы вызвали?.. Понимаю. Хотите знать о настроениях в нашей армии? Настроения плохие. А в чем дело? Пополнений нет. Те, что поступают, плохо обучены.

Части измотаны боями, наполовину больные... Нет сил привести их в порядок...

Сталин. У кого именно нет сил?

Член Военного Совета. Ну, у нас, в Петрограде...

Сталин. Что вы еще можете сообщить?

Член Военного Совета. Что могу еще? Я могу сообщить о полной невозможности не только наступать, но и обороняться... Не можем поручиться за судьбу Петрограда...

Сталин. Кто не может поручиться?

Член Военного Совета. Ну, те, о которых я говорю... Усталые, измотанные люди... Все равнодушны, нет порядка, пожимают плечами, ничего не знают... Лень, отсутствие ответственности...

Сталин (*повысив тон*). Кстати, об отсутствии ответственности. Это в вашей армии был организован переход 3-го пехотного полка на сторону белых?

Член Военного Совета (*растерянно*). Такой случай действительно был...

Сталин. Вам было — за несколько месяцев — указано на ненадежность полка, на его чуждый состав и необходимость расформировать этот полк?

Молчание.

Можете ли вы назвать такое отношение к директивам партийным отношением? Переход полка к белым повлек гибель комиссарского, партийного состава.

Молчание.

Не ясно ли, откуда исходит беспорядок, лень, отсутствие ответственности — и как следствие всего этого — поражение на фронте?..

Молчание.

(Секретарю.) Препроводите арестованного в Военный Трибунал.

Член Военного Совета *(вскочив)*. Вы не знаете, кем подписан мой мандат! *(Выхватывает мандат и кладет на стол.)*

Сталин *(не глядя на мандат)*. Не будет принято во внимание. *(Отбрасывает бумажку.)*

Член Военного Совета *(беря бумажку)*. Но я тогда сам обращусь к Зиновьеву!

Сталин. Вы ни к кому не обратитесь. Вы будете давать показания следователю — по делу о преступном отношении к своим служебным обязанностям, о пособничестве изменникам...

Член Военного Совета. Этого не было!

Сталин. Нет, это было... и вы объясните Трибуналу, почему вы и подобные вам «деятели» «не могут поручиться за судьбу Петрограда»...

Секретарь твердо, уверенно снимает с члена Военного Совета пояс с кобурой. Член Военного Совета стоит растерянно, без пояса, протирает пенсне.

(С коротким жестом.) Увести...

Секретарь выводит арестованного.

Следующего... Военного комиссара Петроградского округа.

Секретарь не откликнулся.

(Встает, подходит к двери.) Комиссара округа.

Входит комиссар округа, раздобревший, в коже, в ремнях, со значком. Он несколько встревожен. Он уже вспотел от волнения. Он видел, как был выведен член Военного Совета армии.

Комиссар. По вашему вызову прибыл, товарищ уполномоченный Совета Обороны.

Входит секретарь.

Секретарь. Арестованного члена Военного Совета армии отправил под конвоем в Трибунал.

Сталин *(кивнул, комиссару)*. Сообщите о численности войск округа и фронта.

Комиссар *(робея)*. На сегодняшний день на довольствии в частях округа, включая фронт... *(заглядывает в записную книжку)* числится сто девяносто две тысячи пятьсот двадцать девять человек и двадцать пять тысяч шестьдесят четыре лошади.

Сталин. Лошадей пока оставим... Займемся людьми и их деятельностью. Вы сообщили о числе едоков — меня интересует реальное число бойцов... Вы представляете себе ясно, что для обороны Петрограда первостепенное значение имеют действующие бойцы?

Комиссар молчит.

Я еще раз спрашиваю о числе бойцов.

Комиссар. Что-то около пятнадцати тысяч.

Сталин. Скажите, вы комиссар или «что-то около»? В функции комиссара входит знание дела, людей, фактов, обстоятельств.

Комиссар. Как-то из памяти вылетели цифровые данные...

Сталин. Как раз тогда, когда назрел кризис обороны Питера? Плохая, неделовая у вас память... Скажите, как у вас в Петроградском округе обстоит дело со всеобщим военным обучением?

Комиссар (*вытирая пот, заглядывает в записную книжку*). Одну минутку... С апреля месяца привлечено восемьдесят тысяч двести десять лиц, подлежащих отбытию воинского обучения...

Сталин. Так. Привлечено к отбытию... и что же?

Комиссар. Но в силу ряда объективных причин обучение приостановлено.

Сталин. Какие это «объективные причины»?

Комиссар. Наступление белых.

Сталин. Значит, тогда, когда Красной Армии особо нужны обученные резервы, у вас обучение этих резервов «объективно» прекращено?

Комиссар. Мы думали...

Сталин. Что вы думали?

Комиссар. Может быть, ежедневное военное обучение вызовет недовольство населения...

Сталин. Недовольство населения России вы действительно вызовете — тем, что не заботитесь об обороне Петрограда...

Комиссар. Я не знаю...

Сталин. Вы должны знать... Продолжим, однако, беседу. Как ведется работа в уездах и волостях, среди крестьянства?

Комиссар. Усилилось дезертирство...

Сталин. Что вы предприняли?

Комиссар. Отпечатал обращение, провел также концерты-митинги.

Сталин. И что дальше?

Комиссар. Произошли кулацкие восстания.

Сталин. Следовательно, в результате ваших обращений и концертов-митингов произошли восстания?.. Так надо понимать?

Комиссар. Не совсем так... Я выразился не точно... Я хотел сказать...

Сталин (*не дослушав*). Сами были на местах? Беседовали с крестьянским активом? Беседовали с призванными?

Комиссар. Нет.

Сталин. Что мешало?

Комиссар. Перегружен...

Сталин. Чем? Обращениями и концертами-митингами?..

Комиссар молчит.

(*Секретарю.*) Заготовите приказ о снятии комиссара.

Секретарь. Есть. Прибыли товарищи из Чрезвычайной тройки Московско-Нарвского района, путиловцы.

Сталин. А, отлично... Просите. (*Бывшему комиссару.*) Не задерживаю больше. Будете привлечены к партийной ответственности.

Бывший комиссар уходит. В ту же минуту входят трое путиловцев. Сталин шагнул им навстречу.

Здравствуйте, здравствуйте, товарищи... А мы знакомы, товарищ Потапов, вспоминаете?

П о т а п о в. Ну как же, товарищ Сталин, и Сибирь, ссылку помню, и как встречались на шестом съезде партии. *(Указывает на Иванченкова.)* Делегат от Московско-Нарвского района...

С т а л и н. Помню и вас, помню, товарищ...

И в а н ч е н к о в. Иванченков...

С т а л и н. Иванченков, делегат Второго Всероссийского съезда Советов.

И в а н ч е н к о в. Запомнили меня, товарищ Сталин.

С т а л и н. Дельные выступления имею привычку запоминать.

П о т а п о в *(указывая на Данилову)*. А это товарищ Данилова. В тысяча девятьсот семнадцатом была секретным курьером Ленина.

С т а л и н. Помню... *(Здоровается с Даниловой.)*

И в а н ч е н к о в. Накопилось, товарищ Сталин!.. Поэтому и потревожили вас...

С т а л и н. Накопилось?.. Это вы писали товарищу Ленину о безобразиях в системе обороны Питера?

Д а н и л о в а. Мы писали.

С т а л и н. Присаживайтесь, друзья.

П о т а п о в. Люди мы штатские, но поговорить хотим о делах военных. Работаем в Чрезвычайной тройке, и видеть, и слышать по обороне много приходится. Писали Владимиру Ильичу. Теперь с вами хотели бы поделиться... Не нравится нам многое: зачем эвакуируют Петроград?

С т а л и н. Владимир Ильич дал телеграфное указание об отмене эвакуации.

П о т а п о в. Владимир Ильич дал указание, а другие уже действуют в обход. Создана техническая комиссия по парализации промышленности и транспорта Петрограда.

С т а л и н. Комиссия по парализации?

П о т а п о в. Да... И инструкцию отпечатали. Дескать, в условиях маневренной гражданской войны противник может — м о ж е т, обратите внимание! — овладеть той или иной местностью Советской России, — понимай, и Петроградом... Возможность чего и требует-де подготовить промышленность и транспорт Петрограда к быстрой парализации, дабы белые не смогли ею воспользоваться, а мы — при возвращении — быстро бы могли всё наладить...

С т а л и н. Придумано хитро.

И в а н ч е н к о в. И уже действуют. К парализации уже подготовлено двести сорок шесть предприятий. Все по группам: А, Б, В... Аккуратненько посадят нас на мель...

Д а н и л о в а *(протягивая бумагу)*. А мы на мель не хотим! Вот мнение Путиловского, Ижорского и других заводов, принятое на собраниях: «Всякую эвакуацию прекратить, дабы не вводить дезорганизации в среду рабочего класса, а также в работу по выпуску военной продукции». Правильно, товарищ Сталин?

С т а л и н. Мы парализуем эту комиссию по парализации.

П о т а п о в. Свернуть им шею... Мы напрягаем все силы, даем боевую технику, а нам предлагают бросить город? Сдачу готовят. Кто разрешил им? Нас спросили?.. ЦК точно пишет:

«Питера не сдавать». *(Указывает на вынутое обращение ЦК.)*

Иванченков. А почему штаб Седьмой армии переехал в Новгород? Питер обороняется, в Питере и будьте...

Сталин. Правильно.

Потапов. Я еще добавлю. Что же это за оборона получается? Вот из Петроградского комитета обороны, где председателем Зиновьев: «Возможен десант на Васильевский остров... При вынужденном отходе обороняющимся частям отходить по Николаевскому и Дворцовому мостам». Это не оборона, товарищ Сталин, это похуже... Десант на Васильевский остров?.. А где же тогда Балтийский флот и Кронштадт? На что их держим? Сыновей туда дали... И почему это надо настраивать население на «отход по мостам»?.. Мы в Октябре наступали по этим мостам...

Сталин. И хорошо наступали...

Иванченков. Еще не всё, товарищ Сталин. Я — снова об эвакуации. Я бы эвакуировал из Питера всю контрреволюционную буржуазию... Она действует, выжидает, шпионит... Городской водопровод хотели взорвать. Вот это был бы паралич... И еще, из личных наблюдений: почему иностранные машины с флажками ездят повсюду и наблюдают все наши оборонные работы?.. Зачем иностранцам такая свобода в осажденном городе?

Данилова. Разрешите и мне добавить? Чувствуется рука врагов... С чего неудачи в мае начались, товарищ Сталин? Измена на ряде участков.

Сталин. Расследование идет. Виновные понесут наказание.

Данилова. И еще хотела бы сказать, товарищ Сталин. Не думайте, что о себе хлопочем: мол, наш, особенный Петроград. За коммунизм бьемся, за него сердце болит...

Иванченков. Ты товарища Сталина не агитируй...

Сталин. Не нужно прерывать... Каждый трудящийся должен иметь право свободно высказать свои мысли, свои соображения... *(Думая вслух.)* Со временем это правило будет, полагаю, наряду с другими внесено в Конституцию нашей страны... Продолжайте, пожалуйста, товарищ Данилова.

Данилова. Спасибо... Вот я хочу сказать, как мы жили... В поте работает человек, а его оскорбляют, считают за раба, существо без души. Если он недоволен — избивают, гноят его в тюрьмах, стреляют в него... А женская доля какая была!.. Вспомнить страшно... А теперь лезут англичане. Нет, хватит, господа хорошие!.. Теперь мы к свету вышли и прав своих не уступим, не отдадим... Святое дело затоптать хотят, Россию опять в грязь?.. Нет, немыслимо, назад возврата не будет... Не пойдет русский народ обратно: во тьму, во мрак, к городовым, к кабале, к нищенству и сиротству... Страшно и подумать об этом, товарищ Сталин...

Сталин. Вы правы, товарищ Данилова... *(Пауза.)* Не сомневаюсь ни на минуту в силах рабочего класса, всего трудового народа. Все препятствия одолеем, и какие бы враги ни встретились на пути, — мы одержим верх...

Потапов. Надежда на вас, товарищ Сталин, озаботьтесь о городе, о защите... Что заводу передать?

Сталин. Поделюсь своими соображениями. Силы у нас достаточные, безусловно. Надо их лишь правильно использовать. Что у врагов? Из всех наблюдений и проверок ясно одно: действиями врагов руководит какая-то группа, некий «центр», вдохновляемый из-за границы. Какая перед нами задача? Раскрыть этот «центр» и раздавить. Сумеем ли мы это сделать и этим защитить Петроград? Полагаю, что питерский рабочий класс сумеет это сделать. Можете не сомневаться в том, что пассивная, отступательная, пораженческая практика будет пресечена. Благодарю вас за полезную беседу. *(Жмет руки делегатам.)*

Потапов. Вам спасибо — за прием, за беседу, за ясные слова.

Сталин. Было бы полезно, чтобы вы, ваша группа, побывали на фронте и в Кронштадте, побеседовали бы с бойцами. Понаблюдали бы. Этим вы поможете делу.

Потапов. Будет выполнено, товарищ Сталин.

Входит секретарь.

Секретарь. Вызванный вами начальник артиллерии Кронштадта Буткевич прибыл.

Сталин дружески прощается с путиловцами. Входит Буткевич — плотный, пожилой, с моржовыми усами, бывший офицер. Сталин кивком указывает ему место. Секретарь уходит.

Сталин. Доложите об обстановке на фортах.

Буткевич. Слушаюсь... Как раз захватил все необходимые документы. Вот копия последнего рапорта комиссара Кронштадтской морской базы, поданная Петроградскому Комитету Обороны... Здесь излагаются результаты обследования всех фортов.

Сталин. Каковы же эти результаты?

Буткевич. Вот, например, о Красной Горке... «Охрана на должной высоте, техническая часть в полной исправности». Двенадцатидюймовая батарея, десятидюймовые батареи меньшего калибра, электростанция, радиостанция и прочее. Сплошной круговой оборонительный пояс. «Артиллерийский огонь может быть открыт по истечении десяти минут, а дежурной батареей в любую минуту»... «Настроение как комсостава, так и команды вполне удовлетворительное. На Красную Горку можно положиться, как на вполне надежную опору. Признаков, наталкивающих на подозрение в измене, не наблюдалось нигде»...

Сталин. Это выводы комиссии. А ваши личные?

Буткевич. Я только технический специалист. В функции политические не разрешаю себе углубляться.

Сталин. Отвечайте прямо.

Буткевич. Присоединяюсь к выводам комиссии... Полагаюсь на ее авторитет.

Сталин. А как вы объясните три попытки взрыва Красной Горки?

Буткевич. А-а... об этом... Слушаюсь. Велось следствие. Установлена одна попытка дать ток в минный кабель, затем попытка злоумышленников пробраться к минному погребу и, наконец, третий случай — удар молнии в погреба десятидюймовой батареи и одной шестидюймовой. Погреба взорвались...

Сталин. Громоотводы «случайно» отказали... Как вы расцениваете такое накопление «случаев»?

Буткевич. Я, право, не знаю... Несомненно, тут есть злой умысел... Мы оговорили это в одном параграфе.

Сталин. Ага, «оговорили»? Итак, в одних параграфах виновата природа, в других — «злоумышленники»?.. В политике такая двойная бухгалтерия к добру не приводит, а мы занимаемся именно политикой — политикой России. Имеете что-либо сообщить еще?

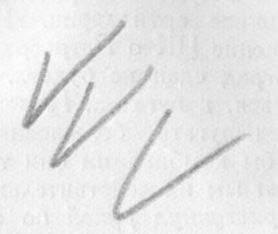
Буткевич. В основном я доложил всё...

Сталин. На этом пока закончим. Сообщение ваше не может считаться удовлетворительным.

Буткевич кланяется, уходит. Входит секретарь. Сталин прочел сводку, задумался глубоко... медленно заходил по вагону.

Сталин (*делая телефонный вызов*). Военный Совет Балтийского флота. Товарищ Воронов? Говорит Сталин. Здравствуйте... Читали сводку? Да... Авангарды белых в семи-восьми километрах от Красной Горки. Балтфлот приведите в немедленную готовность. Проследите сами за положением на фортах. Там не всё благополучно с кадрами. Неудовлетворительное впечатление о начальнике артиллерии. Не внушает доверия. Обращение ЦК о Петрограде доведите до масс. Петроград сдан не будет... Что? Пытаются прорваться, напугать... Никогда, никому не удавалось испугать большевиков — и не удастся, какие бы комбинации они там ни придумывали. А вот мы их действительно заставим испугаться. (*Пристукнул рукой по столу.*)

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

В ШТАБЕ РОДЗЯНКО

Штаб командующего белой Северо-Западной армией генерал-майора Родзянко. Дом в одном из имений Петроградской губернии. Ковры, старинное оружие и портреты. На охране стоят два конвойца личной сотни генерала. Они в кубанках, башлыках, наброшенных на плечи, гимнастерках с нарукавными черными нашивками: череп и скрещенные кости; у пояса кинжалы, револьверы, шашки. Старший из конвойцев — в галифе, обшитых кожей, и высоких охотничьих сапогах. Вид — явно нерегулярный.

Конвоец. Два месяца, третий жалованья не дают — армия, служба... Знал бы...

Старший конвоец. В Питере дадут николаевскими и от англичан премия фунтами.

Конвоец. У них на вес дают? Фунтами? Вот здóрово! А сколько до Питера осталось?

Старший конвоец. Генерал идет смело... семьдесят пять верст осталось. На несколько дней работы. В Питере хозяевами будем: там чего хочешь напечатают — и николаевских, и керенок...

Конвоец. Говорят, и свои печатать будут, «родзянки». С орлами...

Старший конвоец. Не болтай много, генерал услышит, беда будет... Отвечай еще за тебя.

Конвоец (*озираясь*). А большевики, говорят, клятву дали: «Помрем — в Питер не пустим». Ох, резня будет... И чего нас сюда понесло, дядя Иван?

Старший конвоец. Боишься? А я на всю жизнь от страху излечился. Мне хоть в ад, хоть сам дьявол.

Конвоец. Ну? А как излечился?

Старший конвоец. Излечился. Стакан человеческой крови выпил без закуски — и всё сняло.

Конвоец. Действует? А чью кровь-то пил?

Старший конвоец. Пил, послал господь... А твое какое дело, чью? Чего-то ты сегодня разболтался, парень?

Конвоец. Не, я молчу, дядя Иван.

Старший конвоец. Кому дядя Иван, а тебе господин унтер-офицер Жабоедов.

Конвоец. Виноват...

Молчание. В кабинет входит генерал Родзянко. Потирает руки, смотрит на конвойцев, на стол.

Родзянко. Так, так, идем, идем... (*В дверь.*) Попросите ко мне начальника штаба!

За дверью: «Полковника Зейдлица к командующему! Полковника Зейдлица!» Торопясь, входит Зейдлиц.

Родзянко. Садитесь, Зейдлиц. Докладывайте, что там у вас подготовлено по Петербургу.

Зейдлиц (*с немецким акцентом*). Приказ по Петрограду, то есть по Петербургу, номер первый... Следует дата: некоего июня 1919 года. «Приказывается: Первое. Каждый должен немедленно заявить коменданту города о всяком известном ему коммунисте или комиссаре, равно о советском служащем, живущем в городе».

Родзянко. Так.

Зейдлиц. «Второе. Всем домовладельцам немедленно дать сведения о всех коммунистах и комиссарах».

Родзянко. И неблагонадежных элементах.

Зейдлиц. «И неблагонадежных элементах, проживающих в доме. Третье. Всякий, знающий какой-либо советский склад и оставленное советское имущество, должен заявить об этом коменданту или сдать на сборный пункт»... Укажем адрес. Может быть, Гостиный двор... «Четвертое. При проходе войск никому окон не открывать и у окон не стоять... Пятое. Всякое оружие, холодное и огнестрельное, сдать в двадцатичетырехчасовой срок. За несдачу расстрел владельца оружия».

Родзянко. И ответственного за дом лица.

Зейдлиц. Записал. «Шестое. Движение по Петрограду разрешается до...»

Родзянко. Пяти часов вечера. Дальше.

Зейдлиц. «Седьмое. Всему населению обменять советские удостоверения у коменданта города»...

Родзянко. Устроите давку и очереди. У районных комендантов.

Зейдлиц. Ваше превосходительство, неудобно оставлять советские районы, лучше восстановить старые участки.

Родзянко. Согласен. Быть по сему.

Зейдлиц. Как приятно звучат эти старинные понятия и слова! Заново воскресаем, ваше превосходительство!.. «Восьмое. Восстанавливается свободная частная торговля всеми товарами и продуктами».

Родзянко. Откроются Пассаж, Елисеев, Бурэ...

Зейдлиц. «Девятое. Восстанавливаются все прежние названия улиц, площадей, зданий и прочее, согласно наименованиям, бывшим до большевистского переворота».

Родзянко. «Десятое. За нарушение какого-либо из этих пунктов — смертная казнь через повешение».

Зейдлиц. Я добавил бы, так сказать, несколько бодрых перспектив для населения.

Родзянко. «Одиннадцатое. Благонадежной части населения можно продолжать свою работу»... гм... «в ожидании прибывающего в ближайшем будущем для него продовольствия».

Зейдлиц. А оно будет?

Родзянко. Англичане обещали.

Зейдлиц. О подписи. Как разрешите именовать вас, ваше превосходительство?

Родзянко. Обыкновенно.

Зейдлиц. Ваше превосходительство!.. Сам народ найдет формулу необыкновенную, достойную... И союзники поддержат. Надо полагать, вы будете верховным правителем России...

Родзянко. Гм... Спасибо, Зейдлиц. Не за-

буду ваших услуг. Отпечатайте несколько десятков тысяч экземпляров этого приказа. Надо его заслать в Петербург, в нашу сеть. Дату поставим в нужный момент. Писарей подготовить для этого. Идите. Благодарю.

Зейдлиц уходит.

(Конвойцам.) Ну, молодцы, скоро и в Питере?..

Старший конвоец *(рявкает)*. Так точно, ваше превосходительство!

Вбегает Зейдлиц.

Зейдлиц. Ваше превосходительство! Победа, радиограмма. Красная Горка восстала и примкнула к нам.

Родзянко. Дайте. *(Читает радиограмму.)* Это Неклюдов. Прекрасно, Зейдлиц, мы на пороге столицы России. Еще шаг — и мы там. Зейдлиц, поздравьте Неклюдова... что́ бы ему дать?

Зейдлиц. Орден святого Георгия...

Родзянко. Неклюдов поручик? *(Думает.)* Надо произвести в полковники... Человек открыл ворота Петербурга, это чего-то сто́ит.

Зейдлиц. Он слишком молод.

Родзянко. Это не помеха. Да, и сейчас же пишите — прямо Кронштадту — надо не терять ни минуты. Пишите: «Кронштадт. Наша армия на пороге Петрограда. За нами идет эскадра с десантом. На фронтах сдаются без боя. Красная Горка с нами. Не губите своих жизней и приготовьтесь к сдаче». Поймут?

Зейдлиц. Полагаю, поймут.

Родзянко. Зейдлиц, нужно как можно

скорее двинуть наши авангарды на соединение с Красной Горкой. Покажите, где сейчас передовые части.

Зейдлиц *(развернув карту)*. В семи-восьми километрах от форта стоит Островский полк. В резерве — Ингерманландский полк, из финских добровольцев.

Родзянко. Двигайте их. Английская эскадра, наша армия, финские добровольцы — всё шире антибольшевистская коалиция. Это подействует на советских.

Зейдлиц. Предупредить считаю долгом, что на берегу наши части могут попасть под губительный огонь Красного Балтфлота.

Родзянко. Зейдлиц, об этом Красном флоте мы уже подумали. Обеспечена его пассивность, парализация. Советский главком дал приказ превратить боевые корабли в плавающие батареи. Они — в лучшем случае — будут ползать на буксирах недалеко от Кронштадта. Зейдлиц, приводите в исполнение план.

Зейдлиц. Я всё же опасаюсь, ваше превосходительство...

Родзянко. Довольно опасений! Мы осуществляем — и с успехом — огромный план. Он одобрен Черчиллем — военным министром Англии. Ко мне должен прибыть его представитель капитан 2-го ранга Эгар для личного контакта и согласования действий. Англичане прислали эскадру адмирала Коуэна.

Зейдлиц. Да, у Биоркэ видны дымы их кораблей.

Родзянко. Это не случайность. Это — реальные силы для выполнения плана. Если мы

владеем сегодня берегом, Красной Горкой, а завтра — Кронштадтом, и с нами английская эскадра, — то...

Зейдлиц. То всё же мы можем натолкнуться на сопротивление. У большевиков резервы. В Петрограде до восьмидесяти тысяч штыков.

Родзянко. Подумали и об этом, Зейдлиц. Обучение этих резервов остановлено. Нашли одного слабоголового комиссара, обработали. Меньше сомнений, никаких сомнений, Зейдлиц! Ведь вы написали приказ номер один по Петербургу?

Зейдлиц. Так точно, я.

Родзянко. Значит, верите, что Петербург будет наш?

Зейдлиц. Надо полагать, ваше превосходительство, но...

Родзянко. Опять «но»?

Зейдлиц. Я опасаюсь техники красных, петербургская промышленность...

Родзянко. Подумали и о ней, Зейдлиц. Она уже парализуется.

Зейдлиц. О, тогда... Но чрезвычайные меры обороны, прибытие Сталина...

Родзянко. Будут приняты меры противодействия.

Зейдлиц. Я, ваше превосходительство, воспитан на правилах штабного учета, осторожности и осмотрительности.

Родзянко. Больше веры и огня, Зейдлиц! Операция начата и идет отлично... С нами англосаксонские союзники. Они одели нашу армию, накормили, дали оружие. Это крупное вложение средств, а англичане капиталовложений даром

не делают. Черчилль практичен и дальновиден. У него огромный военный опыт. Он карал восставших индусов — и они были поставлены на колени. Он наводил порядки на Кубе — и мятежники были брошены на колени. Он ломал буров — и они тоже стали на колени. Он — сторонник решительных операций. Он нам в масть... Успех будет на нашей стороне.

Зейдлиц. Дай бог!..

Родзянко. Наконец, наши десять тысяч в подполье Петербурга. Они ждут часа... Внезапное выступление, молниеносный удар по узловым пунктам города, ликвидация красных — их списки заготовлены — и вы понимаете, что мы — победители? Зейдлиц, хватит предостережений и опасений! Докладывайте об удачах, успехах.

Зейдлиц. Слушаюсь. Есть одна добрая весть. Был налет наших партизан. Они взяли ночью командира третьей бригады девятнадцатой советской стрелковой дивизии. Бывший генерал Николаев.

Родзянко. Давайте его сюда! *(Конвойцу.)* Жабоедов, приведи его, но смотри — не трогать!..

Старший конвоец. Так точно, ваше превосходительство. Обойтись аккуратно. *(Быстро уходит.)*

Родзянко. Значит, мы наступаем...

Зейдлиц. Так точно, сегодня наступаем...

Родзянко. И завтра будем наступать!

Зейдлиц. Я доложил реальную обстановку.

Конвоец вводит пленного. Это сухощавый загорелый человек лет пятидесяти пяти; открытое красивое лицо, седые усы и бородка клинышком. Опрятно одет.

Родзянко. А-а... вот... Вы стоите перед командующим вооруженными силами Северо-Запада России генерал-майором Родзянко.

Командир бригады. Я такого не знаю. Я помню, что в старой армии был подполковник Родзянко, который в начале восемнадцатого года дезертировал из части и отсиживался где-то в имении под Ригой.

Родзянко. Отказываетесь признавать?

Командир бригады. Я признаю Второй Всероссийский съезд Советов, я признаю законное, избранное народом правительство — Совет Народных Комиссаров; я признаю главу его, Ленина, российского гражданина, окончившего Петербургский университет, юриста, автора исторических и социально-экономических трудов...

Родзянко. Что — сам из этой проклятой породы очкастых интеллигентов? Хватит о Ленине. Что же, ты не знаешь, что в России есть верховный правитель адмирал Колчак?

Командир бригады. Я не признаю дважды дезертиров: бывшего адмирала Колчака, бывшего генерал-лейтенанта Деникина, бывшего генерала Карла Маннергейма, бывшего военного чиновника Семена Петлюру и других...

Родзянко. Дважды дезертиров?! С ума сошел!

Командир бригады. В здравом уме и твердой памяти. Они — все эти колчаки — сбежали из старой армии и старого флота. Раз. Они затем не явились по призыву советского правительства в военкоматы, когда была объявлена офицерская мобилизация. Два...

Родзянко. А ты явился?

Командир бригады. По зову Родины, во имя России, нашей, народной, встал в ряды Красной Армии. А ты из Риги побежал к англичанам, Колчак — к американцам... Копеечники, перебежчики, предатели России.

Родзянко. Замолчать!!

Командир бригады. Почему молчать? Разговор начат... *(Приблизился к Родзянко.)*

Конвойцы настороже.

Протестую против подлых действий — меня взяли обманом... Вы переодели красноармейцами своих бандитов...

Родзянко. Разговор кончен. Либо вымолишь службой у нас прощение, либо...

Командир бригады. Таких «либо» для советского гражданина не бывает. До конца служу народу и советской власти.

Родзянко. Жабоедов, взять! Подвесь на ближайшем суку.

Старший конвоец. Слушаю, ваше превосходительство! *(Грубо вытаскивает пленного из комнаты.)*

Командир бригады *(в дверях)*. И запомни ты, дезертир, английская шлюха! Петрограда вам, как своих ушей, не видать!

Входит адъютант.

Адъютант. Ваше превосходительство, делегация городских и земских деятелей просит принять ее.

Родзянко. Делегация? Земских деятелей? Что за керенщина? Кто пустил эту сволочь? И в такую минуту, когда решается главное...

Адъютант. Там предводитель дворянства и еще ряд приличных господ.

Входит делегация так называемых общественных деятелей.

Первый делегат. Ваше превосходительство, позволяем себе обратиться к вам от имени здоровых общественных слоев, принести сердечные поздравления по поводу побед доблестной армии, руководимой...

Родзянко. Да, идем вперед. Но к делу, к делу, господа! У меня идут важные операции. Решается судьба Петрограда, России.

Второй делегат. Ваше превосходительство... Фонарные столбы, увешанные людьми, обыски, аресты, вымогательства, приказы, восстанавливающие помещиков, расстрелы, тюрьмы, переполненные бог весть за что сидящими людьми, полное упразднение юстиции — всё это тревожит нас...

Родзянко. Мм... Меня это тоже беспокоит. Я сторонник высокой юстиции. Передайте это населению. Я сделаю всё, чтобы юстиция была восстановлена в России в полном объеме.

Первый делегат. А как, ваше превосходительство, насчет земли?

Родзянко. Я на стороне тех, кто работает на земле. Я и сам в известном роде от земли. И давно интересуюсь аграрным вопросом... Без справедливого решения аграрного вопроса в России вообще ничего не будет.

Голос из делегации. А как, отец родной, решаешь-то о земле?

Родзянко. Как решаю? Русский мужик

здоров душой и телом, и он давно уже думает о земле. Надо считаться с этим.

Голос из делегации. Правильно, батюшка, правильно...

Родзянко. Но торопиться, обидеть тех, кто владеет землей, обидеть грубым насилием, захватом мы не можем. Это противоречит нашей совести, христианской морали.

Голос из делегации. О земле-то как решат?

Родзянко. Мм... решит будущее народное собрание... Наш долг — охранить его от опасностей, вредной агитации и прочего и направить на здоровый путь... Исходя, конечно, из принципов уважения к праву... Больше ничего не имею сообщить, господа. Крайне занят, чрезвычайно занят. На фронте — важнейшие события. Пришла английская эскадра. К нам присоединился форт Красная Горка, можно ожидать присоединения Кронштадта. Это решит дело — и мы будем в Петербурге.

Первый делегат (*неуверенно*). Пожелаем, ваше превосходительство, успеха...

Делегация уходит.

Родзянко (*конвойцам*). Идите, я буду занят.

Конвойцы уходят.

Пристали с землей!.. А этот тип смеет еще о повешенных! Эсер или меньшевик. Самого повесить надо. (*Пауза.*) Нет, этот Зейдлиц не по мне. Он «привык к осмотрительности», он опасается!.. Х-ха... Бухгалтер немецкий — считает

каждый штык у большевиков... Резервы... Ничего, я собью их резервы! Наступать...

Слышны звуки марша.

(Вслушивается.) Да, да, наступать! Они меня поняли, музыканты... Полковника Вадбольского ко мне, затем Мешкова!

В кабинет входит полковник Вадбольский, рослый строевик.

Вадбольский. По вашему вызову явился, ваше превосходительство.

Родзянко. Прошу присаживаться, полковник. Вы помните наши долгие беседы о Петербурге?..

Вадбольский. Так точно.

Родзянко. Отправляйтесь туда... Вы свяжетесь с «Национальным центром». Сообщите им об обстановке. Детализировать не надо. Наступаем и уже в семидесяти верстах от города. Я приказываю, чтобы кадры в Петербурге были приведены в полную боевую готовность. В подходящий момент они должны выступить. Может быть, это будет связано с общим восстанием Кронштадта, может быть, с операциями английской эскадры, может быть, с появлением наших авангардов в предместьях города. А может быть, — между нами — выступление в Петербурге и поможет нам... Вы знаете, в чем дело?

Вадбольский. Так точно.

Родзянко. Поезжайте. Действуйте. Надо взорвать мосты на Николаевской железной дороге и на Северной, чтобы большевики не могли подвезти резервы... Особое внимание захвату

ЧК, телефона, телеграфа... Ну, детали вы укажете им сами. Общее руководство выступлением — за вами. С богом, полковник.

Рукопожатие и троекратный поцелуй. Вадбольский уходит.

Капельмейстер *(спешно входя)*. Зауряд-прапорщик Мешков по вашему приказанию явился, ваше превосходительство!

Родзянко. Здравствуй, Мешков.

Капельмейстер. Здравия желаем, ваше превосходительство.

Родзянко. Ты, голубчик, что играл в семнадцатом году?

Капельмейстер. Что требовалось, ваше превосходительство!

Родзянко. Что требовалось?.. Тоже, наверное, шлялся с красным бантом и дирижировал до пота «Марсельезой».

Капельмейстер. Виноват, как приказывало начальство...

Родзянко. Ты этот случай из жизни выкинь навсегда. Опять придется играть... Гвардейские императорские марши помнишь?

Капельмейстер. Так точно, ваше превосходительство. *(Начинает наигрывать на губах марши.)*

Родзянко *(вторя)*. Правильно...

Капельмейстер. Понимаю, ваше превосходительство, на случай вступления в столицу. Уже репетую... Ваше превосходительство, дозвольте от искренней души: что исполнять в высшем торжественном случае?

Родзянко. А ты что, голубчик, забыл?

Капельмейстер. Никак нет, ваше превосходительство. *(Запел «Боже, царя храни».)*

Родзянко. Ну, иди, иди, голубчик... Репетируй... Или как ты говоришь: репертуй. Ну, репертуй, репертуй!.. *(Родзянко остался один.)* Боже, царя храни... *(Поглядел куда-то вверх.)* И не сохранил?.. Нехорошо, конфуз... Увезли в Екатеринбург, расстреляли и... А хорошо будет: «Пал Петербург. С утра в столицу России вступили части генерала Родзянко»...

Слышны звуки марша.

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЗАГОВОРЩИКИ В КРОНШТАДТЕ

Служебный кабинет начальника артиллерии Кронштадта Буткевича. Тяжеловесность во всем убранстве: безвкусная бронза, большие вазы, красный бархат, картины, морские узоры, модели парусников.

Буткевич. Адъютант, вы сами говорили с Красной Горкой?

Адъютант. Так точно, товарищ начальник. Как только узнал о событии, кинулся к телефону, стал спрашивать.

Буткевич. И что же?

Адъютант. Ну, там ребята-телефонисты свои, узнали: «Привет, товарищ адъютант, у нас, говорят, полундра»...

Буткевич. Именно полундра.

Адъютант. Успели сообщить следующее. Еще двенадцатого июня белые подошли на семьвосемь верст к форту. Партколлектив заметил подозрительность поведения коменданта Неклюдова и его свиты.

Буткевич. Свиты?

Адъютант. Так точно. У него на подбор: Гримм, Делль, Брунес, Арнольд...

Буткевич. Что вы хотите сказать?

Адъютант. Русские командиры из иностранных.

Буткевич. Пустяки. Продолжайте.

Адъютант. Партколлектив устроил собрание. Неклюдов туда послал своего холуя — денщика. Недавно втесался в партию... Обсудило собрание меры. Приняли правильное решение — сместить Неклюдова и всех этих гриммов-арнольдов... Холуй доложил. Неклюдов ночью поднял роту пулеметчиков. Подобрана специально — кулацкое отродье... Неклюдов им и говорит: «Мы окружены белыми. Петроград, Кронштадт сдались, идет английская эскадра. Конец войне. Обезоруживать коммунистов!» — и началось... А пулеметчики там — любимчики Неклюдова. Они коммунистов и забрали.

Буткевич. Дальше!

Адъютант. Дальше шум в трубке, телефонистов взяли за горлянку... Я подул, подул в трубку, кто-то ответил: «Доболтаешься, красная рожа, до петли»...

Буткевич. А вы?

Адъютант. Я, конечно, ответил. Они помолчали, поперхнулись и трубку хлопнули. Разрыв дипломатических отношений.

Буткевич. Ну, идите.

Адъютант уходит.

Стук в дверь.

Буткевич. Да!

Входит начальник штаба Кронштадтской морской базы Александр Рыбалтовский.

Рыбалтовский. Точно в двадцать ноль-ноль, как вы просили. Добрый вечер, господин полковник.

Буткевич. Здравия желаю, господин капитан первого ранга.

Рыбалтовский. Ну-с, ваш первый шаг блестящ. Красная Горка — это просто пилюля! Поздравляю.

Буткевич (*замахав руками*) Не говорите, не говорите, просто сглазите. Посмотрим еще, как пойдет...

Рыбалтовский. Пойдет отлично. Везде ошеломление и растерянность...

Буткевич. Не везде, не везде, Александр Аполлонович. Боюсь, что нас возьмут на подозрение.

Рыбалтовский. Не может быть!

Буткевич. Может... Я был вызван к Сталину. Ну, пережил труднейшие минуты. Он заявил, что не удовлетворен моим докладом и что «двойная бухгалтерия в политике к добру не приводит»... Ну, а что у вас?

Рыбалтовский. Мне было приказано открыть огонь линейных кораблей по Красной Горке. Я приказал стрелять из гавани. Это безвредно — недолеты.

Звонок телефона.

Буткевич. Начальник штаба морской базы здесь, на совещании. Передаю трубку... Вас, товарищ Рыбалтовский, из Военного Совета.

Рыбалтовский. Слушаю... Так точно, товарищ член Военного Совета. Как? Линкоры вывести... *(Посмотрев на Буткевича.)* Кто приказал? Сталин? Есть. *(Вешает трубку.)* Да, видимо, начали проверять. Сталин. Теперь форт пострадает.

Буткевич. Я говорил! Не везде растерянность, дорогой... Ага, забеспокоились, дорогой?..

Рыбалтовский. Весьма неприятное и неожиданное осложнение.

Входит адъютант.

Адъютант. Просит разрешения войти уполномоченный Особого отдела товарищ Шибаев.

Буткевич. Кто?

Адъютант. Уполномоченный Особого отдела Шибаев.

Буткевич. Мы заняты.

Входит уполномоченный Особого отдела Балтфлота Шибаев.

Шибаев. Уполномоченный Особого отдела Балтийского флота военный моряк Шибаев.

Сухие полупоклоны.

Мне поручено расследование дела на Красной Горке. Имею некоторые вопросы.

Буткевич. А я эти вопросы буду докладывать Военному Совету. С вами, молодой человек, у меня на эту тему нет охоты беседовать. Можете быть свободным. У нас совещание.

Шибаев. Вынужден пока подчиниться. Побеседуем в другой раз. *(Уходит.)*

Буткевич. Видали?.. Уже ходят. Я продумал дела: я подам «центру» сигнал, что мы идем к опасности. Я не хочу напрасных жертв.

Рыбалтовский. Вы не хотите отвечать? Вы пятитесь в момент, когда решается всё...

Буткевич. Нет, я предупреждаю. Вот, слышите — идут на подавление. По приказанию Сталина.

За окнами оркестр. Твердый шаг воинской части. Морской отряд направляется на фронт. Стук в дверь. Оба затихают.

Да!

Входит Дэкс, одетый матросом. Обмен приветствиями.

Наконец-то! Вас так долго не было.

Дэкс. Дела. Вот письмо от вашей супруги и дочери.

Буткевич. О, спасибо, спасибо!.. Они здоровы?

Дэкс. В цветущем состоянии обе... Дома выпили за ваше здоровье и успехи.

Буткевич *(задумавшись)*. А это, знаете, я ее приучил. Молодость, грехи... Началось с ликерной рюмочки.

Дэкс. Теперь она свободно оперирует стаканами. Сообщаю новости: британская эскадра в Биоркэ. Части генерала Родзянко в семи-восьми километрах от Красной Горки. Форт поднял мятеж и присоединился к белым. Ультиматум Кронштадту передан...

Буткевич. Несколько запоздалые сведения. Ультиматум уже послан товарищами ко всем чертям. Линейные корабли открыли огонь по форту. Двинуты морские отряды на подавление...

Дэкс. Поэтому я и прибыл сюда, господин полковник. «Национальный центр» приказывает поднимать, не медля, форты Кронштадта, парализовать огонь Балтийского флота, наносить удары один за другим.

Рыбалтовский. Пока парализовали мои приказы.

Буткевич. Удары следуют стремительно, именно один за другим со стороны большевиков. Я уже сообщил об этом господину капитану первого ранга. *(Кивает на Рыбалтовского.)* По-моему, за нами начато наблюдение.

Дэкс. С этим надо считаться...

Буткевич. Что дальше? Опасность подошла вплотную.

Дэкс. Что дальше? Следующий шаг «центра»: завтра в Петрограде будет собран весь командный состав нашей организации. Мы накануне выступления в Петрограде. *(Властно.)* От вас, господин полковник, ждут действий в Кронштадте. На меры Сталина отвечайте контрмерами.

Буткевич. Да, да... Я только предупреждаю... По долгу службы, совести... Да, да. Скажите там, в Петербурге, что полковник Буткевич советует внимательно прислушаться к его сообщениям. Именно прислушаться... Да, вот и всё, что я имею. А приказ будет выполнен точно, в срок. Немедленно... Я даю указание своей сети на форты. Начнем с «Обручева», там превосходные и абсолютно надежные мои люди. *(Берет трубку.)* Город? Дайте «службу». «Служба», дайте «Обручев». «Обручев», алло! Коменданта форта. Кто просит? Начальник артиллерии, бывшее. *(Пауза.)*. Родион Николаевич, как существуете? Я, я, Буткевич... Здравия желаю. Загораете на летнем солнышке и смотрите на море... Завидую, завидую... Так вот в чем дело, комендант. Вы помните приказ номер ноль ноль тринадцать?.. Твердо помните?.. Я не ставлю под сомнение, я извещаю вас: приводите в действие. Да. Точно. Без изменений. Спасибо. Кончаю. *(Кладет трубку.)*

Дэкс. Что он ответил?

Буткевич. «Обручев» начнет восстание. Это значит — Кронштадт примкнет к Красной Горке.

Дэкс. А к ним завтра примкнет Петроград. Прибыл из Лондона сам Эгар.

Звонок телефона.

Буткевич *(берет трубку)*. Начальник артиллерии слушает. Да... Слушаю... Передавайте. *(Дэксу и Рыбалтовскому шёпотом.)* Петроград говорит. Да, это я, Леля... *(Собеседникам.)* Это дочь. Сообщение... Да, да... Да... *(Выслушав, внезапно схватывается за сердце и оседает в кресле.)*

Дэкс *(подхватывает трубку)*. Начальник артиллерии слушает. Не понял. Повторите, громко и не торопясь. Так, так... В Ораниенбаум — в штаб береговой группы войск направляется...

Кто? Товарищ Сталин... Прибытие поезда завтра, четырнадцатого июня...

Переглядь.

Понял. Всё... *(Вешает трубку.)*

Рыбалтовский. Прибывает сам?

Дэкс. Боюсь, не выйдет ли полковник из строя...

Буткевич *(медленно поднимаясь)*. Это так неожиданно. Сам едет. Знаете, сердце... Но ничего, ничего, я опять в порядке...

Дэкс. Отлично. Пишите, я передам в Питере через нашу радиостанцию.

Буткевич. Что вы хотите?

Дэкс *(диктует)*. «Красная Горка точка Дать завтра четырнадцатого июня в течение всего дня и вечера огонь по району вокзала Ораниенбаума».

Буткевич пишет.

Рыбалтовский. Почему только вокзала, а если где-нибудь в стороне?

Дэкс. Верно. «Вокзала и прилежащих кварталов». Подпись?

Буткевич. Горка меня знает под шифром «Шестнадцатый».

Дэкс. «Шестнадцатый»... Будет передано к полуночи. Ну, под Петроградом сделаны первые ходы. Завтра ожидайте острой схватки.

Занавес

ВТОРОЙ АКТ

КАРТИНА ПЯТАЯ

СОВЕЩАНИЕ В ОРАНИЕНБАУМЕ

Угловая комната первого этажа на даче в Ораниенбауме. Здесь железнодорожный штаб. Рядом шлюпочный канал, пристани и портовая железнодорожная ветка. Слышны гудки, сирены, команды, грохот работ у пристани, лязг буферов и сцеплений.

Совещание старших начальников Балтийского флота и береговой группы войск. Собрано до тридцати человек. Раскрылась дверь. Входит товарищ Сталин. Командующий береговой группой: «Встать, смирно!». Сталин здоровается с командирами. Отчетливо звучит строевой ответ: «Зрасс...»

Сталин. Прошу садиться... *(Встав у стола.)* Совещание старших начальников Балтийского флота и береговой группы войск прошу считать открытым. Товарищи, раньше чем перейти к обсуждению оперативных дел, я хотел бы передать вам, представителям Балтийского флота и Петро-

градского фронта, привет от Владимира Ильича Ленина.

Все встают, аплодисменты.

Рассмотрим военную обстановку. Противник стремится к Петрограду. Все данные говорят за то, что силы противника на Петроградском фронте невелики. Но противник стремится добиться успеха не столько собственными силами, сколько силами агентуры в нашем тылу... Существует достаточное количество обиженных бывших людей, буржуа и помещиков, которые ждали и ждут удобного момента для удара в тыл нашим войскам. Вот на эти силы и рассчитывают генерал-майор Родзянко и его покровители. Противник рассчитывал занять Красную Горку — ключ Кронштадта, поднять восстание на фортах, обстрелять Петроград и, объединив свое наступление с переполохом в нашем лагере, окружить и занять Питер — очаг Пролетарской революции. Расчеты противника частично оправдались. Это требует от нас быстрых и энергичных мер противодействия. Агентура врага, рассчитывающая на новые мероприятия, должна быть парализована и отведена в более «спокойные» места. Достаточные силы у нас есть. Несколько слов о Балтийском флоте. Нельзя не приветствовать, что Балтийский флот, считавшийся погибшим, возрождается самым действительным образом. Это признают не только друзья, но и противники. Англичане уже испытали удары Действующего отряда Балтийского флота — линейных кораблей и эсминцев в первую очередь. Из строя выведен

ряд кораблей противника, и надо думать, это лишь начало. Отрадно, что балтийские матросы нашли себя, оживив в своих подвигах лучшие традиции русского революционного флота.

Считаю долгом сказать, что наличными силами мы можем отстоять Петроград от каких бы то ни было покушений... Наша задача — вернуть форт Красная Горка... Красная Армия под Петроградом должна победить.

Прошу товарищей высказываться: о состоянии частей, их настроении, об оперативных и политических соображениях, которые у вас сложились к данному моменту. Излагайте свои соображения возможно откровеннее и короче.

Воронов. По старой традиции начнем с младших?

Сталин. Хорошо, пусть будет по старой традиции.

Перегляд командиров и начальников. Небольшая пауза.

Воронов. Что ж, командиры морских отрядов, вам начинать.

Командир 1-го экспедиционного отряда. Есть. Наш Первый экспедиционный отряд, товарищ Сталин, сформировался в течение одиннадцати часов. Проверял людей сам... В отряде восемьсот штыков. Все матросы специалисты: машинисты, турбинисты, электрики и прочие. По этому случаю уже шептуны и разлагатели Кронштадта пустили слух: отряд ненадежный, полевого боя не знает. А мы поэтому немедленно деремся у Таменгонта. А как вы думаете, товарищи, если человек знает турбину,

динамомашину, сам рабочий, — неужели ему не овладеть трехлинейкой и лопатой? И сообщаю, что на практике показали себя и уже опрокинули мятежников... Действительно, попали под обстрел. Некоторые разбежались... У них нижняя челюсть дребезжит. Таких я немедля убрал: позорить отряд не позволю. А общее мнение отряда — и партколлектива, и всех военных моряков: разобьем мятежников, вообще врагов, капиталистов, как в песне.

Сталин. Что значит «как в песне»?

Командир 1-го экспедиционного отряда. «До основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим: кто был ничем, тот станет всем». Я кончил.

Сталин улыбнулся и подает знак следующему командиру.

Командир 2-го экспедиционного отряда. Второй экспедиционный морской отряд... Когда мы получили этот ультиматум Красной Горки, прочли на общем собрании, поднялись все, шумят: «Еще каждая, извините, белая сволочь революционному Кронштадту будет ультиматум посылать?! А карман шире держать не хочешь?.. Брать мятежников цап-царап, за горло — и на дно! Смерть капиталу, да здравствует советская власть!» Да... Отряд уже действует. Помощника моего убило — военный моряк Левачов был, — во главе второй роты... Взял окопы... Вечная ему память... Товарищ Сталин! Моряки были борцами за власть крестьян и рабочих — и

останутся честные и терпеливые и докажут... Ждем только приказа.

Сталин делает знак следующему командиру.

Командир Петроградского морского отряда. Добавить от Петроградского морского отряда ничего не могу. Всё сказано. *(Садится.)*

Внезапное падение тяжелого снаряда поблизости. Шуршат осколки. Звон стекол. Чья-то реплика: «Направление с Красной Горки...» Пауза.

Сталин. Будем продолжать... Надеюсь, что у мятежников тут нет корректировщиков. Хотя гарантии нет... Итак, кто следующий? Корабли Действующего отряда Балтфлота. Эсминцы, начинайте.

Комиссар эсминца «Гавриил». Я с эсминца «Гавриил». Товарищ Сталин правильно отметил про дух балтийских матросов. Четвертого июня мы вышли к Копорскому заливу — линкор «Петропавловск», «Азард» и мы. Отогнали три английских эсминца. Идем... В семнадцать часов тридцать семь минут смотрим — две торпеды по нашему эсминцу... Боевая тревога! И из воды рубка английской подводной лодки — в пяти кабельтовых, пятистах саженях. Комендор Богов по ней ныряющим. Огромный столб черного цвета так и взвился... Готова лодка, будь здоров! Водоворот сильный — и с огромной силой выходит из затонувшей лодки воздух, пена так и бурлила. Да, еще хочу добавить. В команде разговоры: среди начальства есть такие, которые

спят и во сне видят возвращение своего старинного друга — старого режима... Просьба обратить внимание на проверку этого дела. «Гавриил» к выходу в море готов.

Вдали, глуше, чем в первый раз, грохот снаряда. Чья-то реплика: «В сторону вокзала бьют». Сталин смотрит на следующего.

Комиссар линкора «Андрей Первозванный». Линкор «Андрей Первозванный» в непрерывной готовности. Команда раздражена обстрелом с Красной Горки. Надо разгромить так, чтобы не горка была, а блин. Просим разрешения.

Сталин смотрит на следующего командира.

Сталин. Слово имеет командир линейного корабля «Петропавловск».

Снова глухой разрыв. Реплика: «Да, по вокзалу».

Командир линкора «Петропавловск». Я начал бы с претензий.

Сталин. Говорите, товарищ командир, какие и к кому претензии. Говорите то, что думаете.

Командир. Передаю свое мнение и команды линкора «Петропавловск». Мы не хотим, чтобы наш линкор превращали в «плавающую батарею». А такое решение нам стало известно. Директива главкома была... Пора бы знать, что мы — русские линейные корабли... Таскать нас

буксирным способом?! Я командир корабля первого ранга, служил в старом флоте, и не первый год. Я не сплавщик плотов на буксире... Очевидно, хотят повести линкоры малым ходом — на буксирах — в качестве мишени для англичан или Красной Горки?..

Сталин. Эта так называемая «директива» отменена.

Командир. Приношу вам, товарищ Сталин, благодарность от имени линейных кораблей. Мы в часовой готовности и готовы к морскому бою и бою с берегом. Флот существует для боя... В этом смысл нашей службы, жизни. Мы готовы к встрече с любым противником, включая и эскадру английского адмирала Коуэна. Я особо ценю сказанные здесь слова о русской морской традиции. Она жива. Я кончил.

Сталин. От частей армии, от ударной группы?

Встает командир, молодой краснознаменец.

Командир стрелкового полка. Четвертый стрелковый полк трехбатальонного состава, с пулеметной командой и командой конных разведчиков. Всего тысяча пятьсот штыков. Обмундированием и продовольствием обеспечены. Партколлектив сто человек. Общее собрание проведено. К бою готовы. Резолюцию прилагаю.

Еще один глухой разрыв.

Сталин. Кто следующий?

Командир броневого отряда. Бронемашины отряда к бою изготовлены. Горючее на неделю операции получено...

Реплика: «Ты что — неделю возиться хочешь?»

Командир. Нет, я хочу неделю гнать беляков, прижать к эстонской границе и искупать в Нарове. Понятно?

Сталин. Вот — правильный ответ. Следующий?

Командир бронепоезда № 52. Бронепоезд № 52, Сормовский — к наступлению готов. Все приемки закончены.

Сталин. Летчики...

Летчик. Ораниенбаумский воздушный дивизион изготовлен. Вся материальная часть в порядке, опробована. Можем взять полный запас бомб и металлических стрел. И если надо, листовок. Личный состав ждет боевого приказа. И просили передать вам, товарищ Сталин, спасибо за отмену эвакуации... Если бы эвакуация, мы бы остались без материальной части. Петроградский авиазавод все-таки нужное количество новых самолетов дает.

Сталин. Производство самолетов еще будем увеличивать. Авиация — государственно важное дело. Итак, осталось выслушать начальника артиллерии и начальника штаба Кронштадтской базы. *(Воронову.)* Затем вы.

Воронов. Есть.

Буткевич. Двадцать пятого мая сего года я ознакомился с рапортом комиссии, обследовавшей Красную Горку. *(Читает.)* «Охрана форта

на должной высоте, техническая часть в полной исправности, огонь может быть открыт в десять-пятнадцать минут»...

Сталин. Против кого, это вас не заинтересовало?

Буткевич. В комиссии были партийные товарищи, я положился на их авторитет.

Сталин. Мы проверим этих партийных товарищей, обстоятельно проверим.

Буткевич. Они же писали: «Настроение форта вполне удовлетворительное. Крепость на форт может положиться, как на вполне надежную опору. Признаков, наталкивающих на подозрения, не наблюдалось нигде». Я прислушивался и также полагался на форт.

Сталин. Самооправданием заниматься поздно. Надо задавить измену.

Буткевич. Да, но положено пятно на честных специалистов.

Сталин. Чем реально сейчас можете помочь?

Буткевич. Мы мобилизовали все силы...

Сталин. Какие же?

Буткевич. Я отдал два Кронштадтских крепостных полка.

Сталин. Которые целиком перешли к белым...

Буткевич. Плохая воспитательная работа, плохой контроль. Я докладывал Военному Совету...

Сталин. Чем можете помочь сейчас?

Буткевич. Так сразу очень трудно ответить.

Сталин. Ну, а все-таки?

Буткевич. Форты Кронштадта не рассчитаны на обстрел Красной Горки.

Сталин. Значит, ничем не можете помочь?

Буткевич. Я начал расчеты для форта «Риф»...

Сталин. Нам нужны не теоретические расчеты, а дело, практика. Вы слушали, как выступали товарищи?

Буткевич. Я представлю расчеты...

Сталин. Неконкретные, пустые предложения. Послушаем начальника штаба Кронштадтской базы.

Рыбалтовский. Я внимательно слушал выступления товарищей, особенно с кораблей. И должен сделать некоторые выводы. Теоретические, научные положения, утвердившиеся во всех флотах мира — подчеркиваю это, — осуждают атаку приморских крепостей флотом. За последние пятьдесят пять лет не было ни одного примера удачных атак. А прошло много войн: итало-австрийская, франко-прусская, русско-турецкая, испано-американская, японо-китайская, русско-японская, наконец — мировая война... Все они показали безуспешность операций кораблей против берега. Последний пример — провал атаки британским флотом фортов Дарданелл...

Красная Горка — очень сильный форт, крепость. Наши корабли просматриваются и с финского берега. Противник видит даже разводку паров. Далее. Весь район действий наших линкоров простреливается с финского берега. Посылая линкоры против Красной Горки, мы ставим их между двух огней: и с Красной Горки, и с финского берега... Это не всё... Научный анализ должен быть полным. Противник на путях наших линкоров держит свои подводные лодки. Вы слышали сообщение об этом...

Голос. Да, одну английскую лодочку отправили на дно лихо.

Рыбалтовский. Я считаю, что предложения о посыле линейных кораблей и крейсера «Олег» с научной военно-морской точки зрения неприемлемы. Более того — опасны... Эти пылкие антинаучные предложения могут обречь Балтийский флот на гибель. Считаю своим служебным долгом поставить совещание, равно и советское правительство в известность об этом. Добавлю, что интенсивный огонь приведет к тому, что через день-два стрельбы орудия будут изношены, или, как говорят специалисты, «расстреляны», и Балтийский флот окажется не в состоянии встретить английскую эскадру, выжидающую в Бьоркэ...

Воронов. Что же вы предлагаете?

Рыбалтовский. Методическую атаку с суши.

Командир линкора «Петропавловск». А противник в это время будет обстреливать Кронштадт и пассивно стоящие корабли?.. Вы хотите превратить нас даже не в буксирные батареи, а просто в мишени?

Сталин. Слово имеет член Революционного Военного Совета Балтийского флота товарищ Воронов.

Воронов. Я коротко. Целиком поддерживаю взгляды и предложения товарищей с кораблей.

Надо действовать всеми видами огня, надо, не теряя времени, растрепать политико-моральное состояние мятежников... Не буду далее распространяться, так как полагаю, что решающие выводы даст нам лично товарищ Сталин.

Сталин (*поднимается*). Как могло случиться, что фронт, недавно стоявший под Нарвой, откатился почти к Петрограду? Как могло случиться, что некоторые наши части сдались противнику или подняли мятеж? Очевидно, объяснение может быть одно: не было твердого командования, части комплектовались без политического отбора, тылы были засорены. Наконец, не велось минимальной политической работы. Она заменялась разговорами об эвакуации Петрограда и о потоплении Балтийского флота.

Как и почему происходили отступления?

Документы расследований показывают следующее:

В решительную минуту на боевом участке появляется обыкновенно какой-нибудь наймит-белогвардеец. Этот негодяй начинает кричать: «Вас обошли, сдавайтесь, а то всех перебьем». Бывает и так, что среди советских войск находится паршивая овца, которая хочет перепортить всё стадо. Бывает так, что некоторые иуды-предатели идут в Красную Армию для того, чтобы в решительную минуту предать ее.

К сведению собравшихся начальников и командиров. Семьи всех, перешедших на сторону белых, немедленно будут арестованы, где бы они ни находились. Земля у таких изменников будет немедленно отбираться безвозвратно. Всё имущество изменников — конфисковаться. Изменникам

пощады не будет. По всей Республике отдан приказ расстреливать их на месте.

Политическая работа должна быть поставлена со всей энергией. До солдат Красной Армии должна быть доведена основная идея: вы защищаете свою землю, вы защищаете родную рабоче-крестьянскую Россию. Белые хотят вернуть царя, рабство. Белогвардейцы подкуплены английской, французской, немецкой и финской буржуазией, врагами рабоче-крестьянской России. Белых надо истребить всех до единого. Без этого мира не будет. Кто сделает хотя бы один шаг в сторону белых — тому смерть на месте.

Нет сомнения, что мы справимся с этой задачей.

Перехожу к вопросам оперативным.

Нам тут в научной, академической форме пытались доказать, что на войне могут убить и что, мол, высший научный вывод: держаться в сторонке... Нам тут пытались привить теоретические положения, основанные на опыте иностранных флотов. Полезнее было бы вспомнить, как корабли России обрушивались на крепости и брали их штурмом... Достаточно назвать штурм Корфу, Чесменский бой и Синопский... Для военно-морской науки было бы полезно изучить и свежий опыт нашей гражданской войны. Я имею в виду смелые и удачные действия наших флотилий, не раз обрушивавшихся против укрепленных баз противника. Высказанные здесь академические взгляды не могут быть приняты. Отрадно было слышать выступления непосредственных практиков с кораблей, людей дела, для которых честь

и достоинство России стоят выше иностранных «теорий».

Заключаю. Исходя из реальной обстановки, необходимо принять план комбинированного стремительного удара по противнику: с моря, с суши и с воздуха. Главный удар нанесет флот, который выйдет в море и откроет огонь главным калибром непосредственно по форту. Устарелые «научные» справки, таким образом, отпадают. Завершающие удары нанесут морские отряды, пехота и бронечасти. Авиация произведет разведку и поможет частям бомбовыми ударами. Оперативный приказ будет вручен в полночь. Совещание считаю законченным.

Все встают, надевая фуражки, прощаются с товарищем Сталиным.

До свидания, товарищи, желаю удачи...

Командир линкора «Петропавловск» *(подойдя к Сталину)*. Позвольте от души пожать вам руку.

Сталин. Не сомневайтесь в том, что Россия станет могучей социалистической державой.

Сталин остается с секретарем.

Мне нужен представитель Особого отдела. Он здесь?

Секретарь. Ждет, товарищ Сталин.

Сталин. Просите.

Входит Шибаев.

Шибаев. Военный моряк Шибаев. По вашему вызову прибыл, товарищ Сталин.

Сталин. Ваше лицо мне знакомо. Мы где-то встречались...

Шибаев. Узнали, товарищ Сталин! В июльские дни... Мы из Кронштадта выступили на демонстрацию — все горячие, ух!.. «Власть Советам!» — и ничего меньше... Ну, нас юнкера и офицеры Керенского из окон да в затылок... Мы — в Петропавловскую крепость... Нас окружили. Сидим, ждем: либо корабли по Неве выручат, либо вот тут и перережут нас у царских могилок... Вдруг от ворот сообщение: «Товарищ Сталин прибыл». Шестого июля днем. Вы переговоры начали и очень дипломатично всю кронштадтскую ребятню вызволили. Жизнью вам обязаны... Вот там у ворот я вас и встречал — от партколлектива.

Сталин. Вспоминаю этот случай... Рад, что был полезен балтийским морякам... Я выполнял свой долг: помогал товарищам...

Шибаев. Сами на смерть ведь шли...

Сталин. На войне, как на войне... Вы давно в особых органах?

Шибаев. Полгода. Ходил в строю — ранили, голову раздуло вот так, хожу с перевязкой, гляжу одним глазом. Тут собрание... Организуется Особый отдел... Меня выдвигают... Говорю: «Опыта нет». — «Бро-ось!» Один товарищ выходит, участник 1905 года: «У нас тоже опыта не было! Получилось...» Кладет передо мною книгу, бухгалтерскую: «Видишь?» — «Вижу». — «Вот это «приход» — кого из врагов заберешь, пиши в «приход»... А кого по революционному закону и совести выведешь в расход — пиши их в графу «расход». Понял?» Отвечаю: «По-

нял»... — «Ну, и берись за дело. Главное: доглядай и поспевай»...

Сталин (*улыбаясь*). Принципы дела изложены весьма упрощенно, но в общем верно... Поспевать нам необходимо. Для этого я вас и вызвал.

Шибаев. Есть, товарищ Сталин. Какие будут распоряжения?

Сталин. С очевидностью доказано, что во всей прифронтовой полосе и, конечно, в Петрограде, развита агентурная сеть противника. Май месяц дал особые подтверждения этому. Диверсии и мятежи, несомненно, составляют часть общего, широко задуманного плана, составленного неким единым контрреволюционным «центром». Следовательно, надо его нащупать. Он, полагаю, в Петрограде. Отправьтесь сейчас же в Петроград. С моим поручением. (*Записывает.*) «Петроградской ЧК. Сегодня в ночь произвести в Петрограде массовые обыски в буржуазных кварталах, не исключая иностранных посольств, миссий, представительств, как бы они ни именовались и какие бы доводы ни приводили против... Обыскать всё основательно: от колоколен до подвалов и складов. Обыски произвести силами партийных и рабочих отрядов. На время обысков электростанциям дать ток в обыскиваемые кварталы города. Операцию держать до ее начала в полном секрете. Об исполнении донести утром пятнадцатого июня. Сталин». (*Пробегает еще раз текст.*) Отправляйтесь и исполняйте. Надо поспевать...

Шибаев. Есть, сделаем всё аккуратно, поспеем, товарищ Сталин. И идейка у меня одна

мелькнула. Проверю квартиру одного технического специалиста Буткевича.

Сталин внимательно посмотрел на Шибаева, подумал, понял, кивнул головой. Шибаев уходит. Сталин остается один. Шагает в раздумье по комнате. Закурил трубку.

Сталин (*снимает телефонную трубку*). Военный Совет Балтфлота... Почему не стреляете? Действуете?.. Не вижу и не слышу ваших действий!..

Пауза. Раздаются залпы линейных кораблей.

Вот это — другое дело... Бейте их так, чтобы поняли, что значит подымать руку на власть Советов...

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

ОБЫСК У МАДАМ БУТКЕВИЧ

Петроград. Сергиевская улица. Гостиная мадам Буткевич. Вечер. Горят керосиновые лампы и свечи.

Мадам Буткевич. Вы видели полковника?

Дэкс. Да, вчера.

Мадам Буткевич. Как он?

Дэкс. Увы, начинает сдавать...

Мадам Буткевич. Возраст, и, потом, он много пил прежде. Сердце... Ну хорошо, он сдает, но ты держишься, мой мальчик. *(Обнимает Дэкса.)*

Дэкс *(слабо отстраняясь)*. Я должен идти... Не думай, что сегодня сбор только у тебя. Я обязан быть у Эгара.

Мадам Буткевич. Останься, позвони, что не можешь. Кстати, у меня будут американцы.

Дэкс. Что, новые дела? *(Посучил тремя пальцами: деньги.)*

Мадам Буткевич. Поль!..

Дэкс. Я хотел бы предупредить вас, миссис Буткевич, что мы не любим и не прощаем, когда наши люди заводят параллельные дела.

Мадам Буткевич. Что за ерунда, Поль!.. Ну, я пойду, проверю хозяйство...

Дэкс. У тебя ужин?

Мадам Буткевич. Чёрта с два, жирно будет. Выдано будет только вино... У меня нет средств кормить всех этих господ... Пшенку кушайте — по талонам... *(В соседнюю комнату.)* Леля, пойди посиди с мистером Полем! *(Уходит.)*

Входит Леля. Здоровается с Дэксом.

Леля. Добрый вечер, Поль.

Дэкс. Добрый вечер, Лелечка. Вы передали нам очень ценное сообщение, благодарю.

Леля. Благодарность может иметь материальные формы.

Дэкс *(со смешком)*. Вся в мамашу. Хорошо. Теперь о другом. Когда же вы ко мне придете, Леля?

Леля. Опять, Поль?

Дэкс. Я дам вам материальные формы благодарности. *(Порывисто берет Лелю за руки.)* Когда ты придешь, ну, скажи...

Леля *(заинтересованная)*. Когда? *(Пауза.)* Сегодня... Мне так противны эти мамины сборища...

Дэкс. Удери с вечера. Адрес помнишь, найдешь?

Леля. Как-нибудь.

Дэкс. Ну, в задаток. (*Медленно, сильно целует ее.*)

В дверях горничная, всплескивает руками, смотрит, пятится.

Ну, я иду... Жду. Не провожай.

Гостиная постепенно наполняется гостями. Это по преимуществу бывшие офицеры царской армии в гимнастерках и кителях без погон и орденов; некоторые в штатском, сидящем не весьма ловко; есть и штатские с императорскими университетскими значками, в сюртуках, несколько старичков, несколько дам.

Мадам Буткевич здоровается с гостями, рассаживает их. Полна светской привычки, заботы и внимания. Горничная вносит еще несколько зажженных свечей в подсвечниках.

Мадам Буткевич. Господа, не будем терять времени. Прибывший от генерала Родзянко полковник Вадбольский сообщит нам последние указания.

Вадбольский. Генерал сердечно приветствует деятелей и господ офицеров петербургского «центра». Генерал надеется на личную встречу в самые ближайшие дни.

Одобрительный шёпот и перегляды. Возгласы: «Браво!»

Генерал приказал передать, господа, нижеследующее: все чины петроградских частей «Национального центра» должны быть приведены в состояние полной боеготовности и сосредоточены для действий против пунктов, кои будут указаны... Момент выступления приблизился — и ответ на большевистский переворот будет дан.

Аплодисменты.

Сообщенные сведения прошу хранить в полной тайне. Господ офицеров начать стягивать в обозначенные кварталы завтра с утра.

Я, господа, имел честь изложить вам общие вводные указания командования Северо-Западной армии. Теперь прошу с особым вниманием выслушать указания конкретные, оперативные, тактические. Кто представляет железнодорожную группу?

Один из офицеров (*встав*). Подполковник Остен-Сакен.

Вадбольский. Отлично. В вашу задачу входит занятие вокзалов и взрыв мостов на Николаевской и Северной железных дорогах. Петербург должен быть отрезан от Москвы. Возможность подвоза советских резервов должна быть парализована. Штабные поезда должны быть взяты... В первую очередь — поезд на Балтийской дороге: Петербург—Ораниенбаум.

Остен-Сакен. Слушаюсь, господин полковник.

Вадбольский. Кто, господа, руководит силами в центре города?

Второй из офицеров. Капитан первого ранга барон Фитингоф. К захвату Зимнего дворца готов.

Вадбольский. Зимний дворец, барон, нам не нужен. Музеи нас не интересуют. Гораздо полезнее устремить внимание на ЧК и телефонную станцию. Удар по ЧК нужно произве-

сти внезапно и полностью захватить весь ее аппарат, дела и архив.

Барон Фитингоф. Понимаю, господин полковник.

Вадбольский. Действовать рекомендуется решительно. К моменту выступления будут розданы списки коммунистов города, и это позволит полностью их обезвредить. Приказ номер один по Петербургу уже заготовлен в штабе и будет своевременно доставлен.

Старичок. Слава тебе, господи!.. Дождались...

Мадам Буткевич. Лиза!

Появляется с подносом горничная. Она ловко и быстро разносит бокалы.

Господа, позвольте пригласить вас... Лиза, перчику!.. пригласить вас выпить за успехи родного оружия.

Старичок *(с бокалом)*. Был в России законный царь, государь император, и да будет вновь! Вот-с... За будущего государя императора всея Руси! Ура!..

Кричит один. Кто-то опасливо подхватывает, но получается недружно, неловко.

Вадбольский. Не сто́ит, господа, препираться, спорить. Всё в свое время... *(Беря под руку мадам Буткевич.)* Ах, если бы вы знали, мадам, как я счастлив вновь быть в Петербурге, сменить грязь на милые гостиные, на очарование столицы, на видения молодости и недавних дней...

Неожиданный звонок.

Мадам Буткевич. Спокойствие, господа, мы справляем мой день рождения... Лиза, откройте!

Мадам Буткевич садится за рояль и играет вальс. Это было приглашением. Образовались пары, которые понеслись по паркету. Некоторые традиционно стоят у стен, чуть ритмически покачиваясь или напевая, или взмахивая в такт рукой... Вальс, кажется, захватил всех. Но глаза всех устремлены к двери. Затем стук. Все остановились, будто парализованные. Напряженные лица, испуг. Входит управдом. В это время вспыхивает электричество. Всеобщее движение.

Мадам Буткевич. Это управдом.

Управдом. Ольга Симеоновна, здравствуйте и не волнуйтесь, голубушка... Не волнуйтесь. Там ЧК с ордером. Всё в исправности, ордер предъявили, и не волнуйтесь.

Входит Шибаев с отрядом.

Шибаев. Прошу оставаться на местах. Кто ответственный съемщик квартиры?

Ему молча по-разному показывают на мадам Буткевич.

Вручаю ордер. Прочтите.

Мадам Буткевич читает.

Всё в порядке? Нет замечаний, неточностей, ошибок? Внимание. Сообщу особо — бегство напрасно. Обыски и облавы идут по всему городу. Выступили рабочие отряды. Приступим к делу. *(Задувает ненужные свечи и лампы. Мадам*

Буткевич.) Причины данного сборища, гражданка?

Мадам Буткевич. Мой день рождения... выпить по бокалу, потанцевать.

Шибаев. Ваши документы.

Мадам Буткевич вручает документы.

Так, благодарю... Неубедительно про день рождения. Тут помечено: «родилась в декабре 188...» Виноват, оглашать год рождения не буду, поскольку деликатный дамский вопрос. Но все-таки не получается день рождения, гражданка.

Мадам Буткевич. Я хотела сказать — день именин...

Шибаев. Есть... Минутку. *(В телефон.)* Справочная? Дайте мне номер кого-либо из настоятелей церкви. Не поняли... Кто говорит? Говорят из ЧК... Ага, поняли? Продолжаю: номер кого-либо из настоятелей церкви... Да... Любых, посмотрите, к примеру: Преображенский собор, Троицкий всей артиллерии собор, Казанский, Исаакиевский... Да... жду... А-1-58-28. Спасибо. *(Мадам Буткевич.)* Минутку. А-1-58-28. Отца Богоявленского к телефону, если не спит. По служебному делу просят. Разбудите. Прошу прощенья, дело... Отец Богоявленский? Извините, в поздний час беспокою. Говорят из справочного бюро, да, да, на Невском... Нужно узнать день святой Ольги — на какой день года падает день именин означенной святой Ольги... Жду... Да, справочное бюро, батюшка. Жду. *(Пауза.)*

Потапов *(входя)*. Обнаружил на чердаке склад винтовок. Кого спросить?

Шибаев. Управдома пригласить придется... Его обязанность следить за чердаками, подвалами, лестницами, выгребными ямами и прочим...

Потапов. Понятно, товарищ начальник. *(Уходит.)*

Шибаев *(в трубку)*. Как? Согласно книге «Русские святые» Ольга празднуется одиннадцатого июля старого стиля, двадцать четвертого нового стиля. Да, да... Спасибо, батюшка. Да, минутку, а другой святой Ольги, резервной, скажем, нет? На другой день, скажем, на сегодня, четырнадцатого июня нет другой Ольги?.. Нет... *(Мадам Буткевич.)* Не получается и именин, гражданка Буткевич. Православная церковь справку дала. Не получается четырнадцатого июня, совсем другое получается.

Мадам Буткевич. Вероятно, какая-нибудь путаница, опечатка. Или несведущий священник. Во всяком случае, я праздную. И факт есть факт...

Шибаев. Прошу предъявить документы, граждане. Не надо толпиться — в очередь, организованно... Я прошу организованно, к столу. *(Подошедшему в штатском Вадбольскому.)* Так... Андрей Севастьянович Коротков... Заготовитель, отлично. Год рождения... так... Повернитесь. *(Нащупывает в заднем кармане Вадбольского револьвер.)* Так... А это машинка для стрижки овец... для заготовки шерсти? Так... Внимание. Всем имеющим оружие — сдать немедленно или уложу на месте!

Общий шок. Четверо подходят, сдают оружие.

Так, заготовители... *(Вадбольскому.)* Присядьте там и ждите. Следующий... Никандр Владимирович Иноземцев... инвалид. *(Поднимает глаза, удивлен.)* Барон Фитингоф!.. А мы-то искали, а мы-то беспокоились... *(Своим.)* Командир нашего корабля. Спускал шкуры, не милуя. Исчез после Октября... Так... Присядьте там, барон.

Старичок. Разрешите сказать несколько слов.

Шибаев. Прошу, папаша.

Старичок на ухо шепчет что-то Шибаеву.

Никандров, проводи папашу в одно место...

Кто-то засмеялся.

Почему смех? Научно объясню. Бывает на нервной почве...

Старичка провожает конвойный.
Звонок телефона.

(Берет трубку.) Да, квартира мадам Буткевич. Да... Говорит один из гостей... Да... Она, к сожалению, занята и просит узнать, кто говорит. Ага, Борис Максимович, или мистер Боб. Она просит вас прийти, Борис Максимович, или мистер Боб, не считаясь с часом. Да, говорит, милости прошу, ждем... Иф ю плиз...

Мадам Буткевич. Я не говорю этого!..

Шибаев *(прикрыв трубку)*. А это уж наше дело. *(В трубку.)* Да, да, ждет... *(Вешает трубку, своим.)* Оставишь тут засаду: мистер Боб придут... *(Быстро проверяет оставшихся.)* Так, теперь, после проверки документов, согласно инструкции, надо начать обыск, гражданка. Есть ли у вас что-либо из неразрешенного: оружие, взрывчатые вещества, нелегальные издания?..

Мадам Буткевич. Не знаю, может быть, какое-нибудь охотничье ружье. Муж увлекался...

Члены отряда путиловцы Данилова, Иванченков и другие начинают обыск.

Отрядник Никандров *(входя)*. Повесился старичок.

Шибаев. Фу, вот жулик!.. Не хочет следствия перед народом, не желает ответить... В два счета привести в чувство. Снял с петли?

Отрядник Никандров. Сразу.

Шибаев. Мигом — скорую помощь: дыхание делай, вот так, массаж. Влейте в него немного вина. Эх... горничная тут была.

Горничная подходит.

Сестренка, стакан вина старику там, помалу...

Данилова приносит несколько винтовок, сваливает их и выходит.

Шибаев. Это как понять, гражданка Буткевич?

Мадам Буткевич *(невозмутимо)*. Не знаю... Охотничьи... Но я совершенно не разбираюсь в этих... ну, как их... сортах, моделях всех этих двустволок и как они там называются...

Шибаев *(держа винтовку)*. Смазанная двустволочка... Бить по бекасам...

Входит Данилова, подает Шибаеву бумаги.

Данилова. Списки какие-то...

Шибаев *(мадам Буткевич)*. Это что?

Мадам Буткевич. Служебная работа. Взяла на дом печатать. Я работаю в Смольном.

Шибаев. Именно?

Мадам Буткевич. В учетном отделе.

Шибаев. Минутку. *(Берет трубку.)* Смольный. Дежурного. Дежурный, кто у вас заведующий учетным отделом? Ушел или еще у себя? Ушел... Какой его телефон дома? А мне нужно... *(Звонит снова.)* Товарищ Акимов? Добрый вечер. У вас работает гражданка О. С. Буткевич? А-а... Ну и как? Прекрасный работник... Так, а на кого она работает, вы задумывались? Удивлены? Приходится в нынешние времена удивляться. Давали ей на дом списки городской партийной организации Петрограда печатать? Нет... Больше вопросов не имею. Кто спрашивал? А позвоните мне через часок: ЧК, комната двести восемнадцать. *(Вешает трубку.)* Так, отпадает вслед за днем рождения и именинами и это дело... Липа получается... Целая липовая роща. *(Смотрит списки.)* Э-э... И наши есть. Данилова, и ты включена!

Данилова *(читает протянутый список)*. Ох, ты... И адрес? «Из чернорабочих, малокультурный тип». Это почему же? Вы нами заинтересовались, а мы вполне культурно ответили. Вы визит к питерскому пролетариату сделали, адреса собрали, и мы соответственно собрали и — с ответным визитом. Как подобает, культурно... Э-э... Тут и про других есть... Вот про тебя, Иванченков... Имя, фамилия... «угрюмый тип».

Иванченков. «Угрюмый тип», барыня? Не всё сказано. Допиши, барыня: «Угрюмый

против классовых врагов». Вижу, у вас припасено вот это вот *(на винтовки)*, и нечего тут веселиться... Класс на класс, до смерти... А про тебя, Шибаев, поискать?.. *(Берет списки.)*

Шибаев. Ну вот, читальню тут откроем... *(Забирает списки.)*

Приводят старичка.

Нехорошо... Я вас и «папашей» назвал, вежливо, а вы в такой политический обман, сразу... Сядьте и сидите там. Что, штанишки падают? Подтяжки израсходовали, вешались?.. Нехорошо, нехорошо...

Данилова приносит найденные деньги.

Данилова. Деньги. Иностранная валюта.

Шибаев *(мадам Буткевич)*. Откуда?

Мадам Буткевич. Кое-какие дореволюционные сбережения.

Данилова. А почему на бандероли: «Лондон, июнь 1919 года»?

Мадам Буткевич. Странно. Вероятно, опечатка.

Шибаев. Что-то много опечаток выходит, и в святцах и тут.

Мадам Буткевич. Не знаю. Я бывала в Финляндии в прежние времена — у мужа, он в артиллерийском этом управлении или отделе, в Балтийском флоте...

Шибаев *(наивничая)*. Ах, Буткевич из артиллерии Балтфлота? Супруг? Какое совпадение!.. *(Своим.)* Обыскать кабинет!

Мадам Буткевич (*преграждая путь Даниловой*). Не надо! Назад! Нельзя!

Данилова ее сильно и резко отстраняет.

Данилова. Мускулы у вашего класса слабоваты.

Мадам Буткевич. О, будьте вы прокляты навеки, навеки!..

Шибаев. Что ж, будем кончать... (*Берет трубку.*) ЧК дайте. Комнату 218. Я говорю, Шибаев. Докладываю: операцию заканчиваю. Да, задержал... Есть кое-что и по этой части. Существенное.

Данилова приносит бумаги из кабинета.
Звонок.

(*В трубку.*) Весьма существенное! Кончаю разговор. (*Вешает трубку.*)

Слышен звонок в прихожей. Шибаев гасит электрический свет.

Наверное, некто мистер Боб идут... Горничную!

Горничная входит.

Веселей, сестренка! Пойди открой и скажи: «Вас ждут!» (*Мимирует.*) А ну-ка покажи, как выйдет.

Горничная (*сделав книксен, улыбку, повторяет*). Вас ждут!

Мадам Буткевич. Лиза, не смейте ходить!

Лиза. Нет, кончена ваша власть, барыня.

Горничная встречает нового гостя. Он влетает в вечернем костюме: смокинг, цветок в петлице — мистер Боб.

Мистер Боб. О, миссис Ольга!.. Американский консул просил передать...

Шибаев вновь включает свет и ловко выхватывает у мистера Боба протянутый к мадам пакет.

Стоп! Кто такие?.. (*Выставив защитно ладонь.*) Я — американский подданный. Пропустить!.. Я — Америка!..

Шибаев. Шшш... Америка, тихо. Взять его...

Американца берут.

Пошли все!..

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

В РЕВВОЕНСОВЕТЕ БАЛТФЛОТА

Кабинет члена Революционного Военного Совета Балтфлота. Просторно, книжные шкафы по стенам, письменный стол, стол для заседаний. Настенные карты Балтийского моря и фронта. Часы. Пятый час утра. Рассвет. Без стука влетает секретарь, встрепанный, в тельняшке, в носках.

Секретарь. Товарищ член Военного Совета! Товарищ Воронов! Вставайте! На «Обручеве» восстание! Взяли врасплох... Коммунисты арестованы. Вот-вот откроют огонь по штабу и Военному Совету.

Воронов *(быстро одевается, смотрит на секретаря, берет телефонную трубку)*. Санчасть... Воронов говорит. Фельдшера с аптечкой ко мне — бегом...

Пауза. Влетает фельдшер.

Валерьяновых капель, двойную дозу.

Фельдшер дает капли.

Спасибо, вы свободны.

Фельдшер уходит.

Тяжелый случай в Кронштадте... Военный моряк Терентьев, секретарь члена Военного Совета, потерял спокойствие и выдержку. Пей!

Секретарь затих, выпил поданные капли, стоит навытяжку.

Запомни: паники тут не бывало и не будет. Ступай.

Секретарь уходит. Воронов остается один.

Только спокойно, Алексей Воронов... Только спокойно! Ты отвечаешь за Кронштадт и Балтийский флот. Пятый час утра... Так. Все спят... В этот час как раз удобно брать спящих из кровати... Что на «Обручеве» и сделано...

Звонок. Воронов берет трубку.

Да, Воронов... Я, товарищ Сталин! Так точно — в курсе. Да, слушаю... Понимаю... понимаю... *(Внимательнейше слушает указания товарища Сталина.)* Сумею, товарищ Сталин. Понимаю. Немедленно сообщу вам. Есть. *(Кладет трубку.)*

Входит умытый, подтянутый секретарь.

Секретарь. Разрешите к утреннему докладу? Сегодня несколько раньше. Газета из типографии. Актуальные стихи к событиям... «Грозой на банду белых куцую ударят Питер и Москва, и мировую революцию не сдаст балтийская братва!» Прямо как у Пушкина!

Воронов. Ну, загнул... *(Повторяет стишки.)* Идея верная, а форма подхрамывает, рифма явно страдает... «Банду белых куцую» — «революцию» — плохая рифма. А о форме всегда думать надо. А более существенных дел у тебя нет?

Секретарь. Так точно, есть. О снабжении трех экспедиционных отрядов Балтфлота, отправленных в распоряжение товарища Сталина. На подпись.

Воронов. Всё?..

Секретарь. Никак нет. О новом отпуске снарядов для линейных кораблей. Пойдут на подавление.

Воронов *(подписав)*. Всё?

Секретарь. О новых мерах контроля для въезда и выезда из Кронштадта.

Воронов *(горячась)*. Всё?

Секретарь. Никак нет. *(Подает листок.)* Телефонограмма о форте «Обручев»...

Воронов. Чего ж ты тянешь мокрого кота за хвост?!

Секретарь. Соблюдаю по вашему указанию полное хладнокровие. Паники тут — у нас в Кронштадте — не бывало и не будет.

Воронов. Тоже выискался хладнокровный... Стишки ты писал?

Секретарь. По мере возможности, товарищ член Военного Совета.

Воронов. Иди. Да вызвать ко мне начальника штаба базы Рыбалтовского и начальника артиллерии Буткевича.

Остается один.

(Пробегает еще раз листок об «Обручеве»). Ну, конечно, как по заказу — ночью, взяли врасплох. Ну, я дам комиссару «Обручева»!.. Башку оторвать мало... Что же делается, товарищи?! Красная Горка, «Обручев»... А мы партией зачем поставлены? Зачем нас кормят, поят, одевают, жалование дают?! Нет, вы мне ответьте, зачем такой расход, если у нас каждый день по форту вылетает... Гнать нас грязной метлой за такую службу... И погонят, вполне погонят. *(Пауза.)* Только спокойно, Воронов. И не вдаваться в лишние слова. Нервы и горячка еще никогда не помогали... *(Вдруг нервно.)* Расстрелять сволочей, «Обручев» к чёртовой матери!.. В упор... Один сигнал — и весь огонь обрушится... А что дальше? Крепость лишится сильного форта. Кто сработал? Член Военного Совета Воронов. Спасибо ему... Вот — позвонят и поблагодарят... Отставить. Иначе, иначе надо... *(Думает, что-то нащупал, берет трубку.)* Служба, быстрее дайте форт «Первомайский»... Да... Говорит Воронов, комиссара срочно... Комиссар, здравствуй! Да, я... Слушай, есть срочное дело... Как твои, в готовности?.. Ну и держи в готовности. Может быть, минут через десять стрелять придется. Что-о? «Куда стрелять?» Куда прикажет партия, комиссар. Ах, ты не в смысле... а для задания артиллеристам... Я не так понял — мне оттенок показался. Нет оттенков?.. Добро... Подробностей? Сообщу тебе одну подробность: кончаем этот разговор, и никому ничего... Жди, позвоню... Пока... *(Вешает трубку, делает новый вызов.)* Служба, быстрее форт «Риф». Да... Комиссара. Воронов говорит. Как готовность? Пол-

ная? Будь на месте и жди моего звонка, понял? Вопросов нет? Всё ясно? Молодец, Бобрышев! Пока... *(Вешает трубку, переводит дух.)* Так значит, «Обручев» с двух сторон зажали... Пошли дальше, и спокойнее, Воронов! *(Берет трубку.)* Служба, форт «Обручев» дайте... «Обручев»... Коменданта... Кто просит? Революционный Военный Совет Балтийского флота... Воронов. Побыстрее. *(Пауза.)* Нет, не здравствуйте, а слушайте и записывайте. *(Пауза)*. «Команде форта «Обручев» точка. Восставшие против рабочих и крестьян собственной страны во имя интересов иностранцев, а также белых генералов и помещиков, заявите в кратчайший срок, что вы не пойдете против рабочих и матросов Кронштадта, и мы вас простим, а если этого не сделаете, то путем обстрела мы вас уничтожим»... Записали? Прочтите. Громче. Отчетливее и медленнее. Так, так... Можете добавить команде, что начинается подавление Красной Горки. На линкоры посмотрите, на рейде... Да, двинем все имеющиеся в наличии силы. Петроград выделил резервы... Товарищ Ленин указывает: Петроград сдан быть не может. Комендант, обстановка ясна? Ультиматум посылай по форту. Сам пока останься. Добавляю: соседние форты к открытию огня по тебе готовы. Говорили с ними пять минут назад... Комендант, часы есть? Вынимай и смотри. *(Вынимает часы.)* Даю на размышление две минуты. *(По второй трубке делает вызов.)* Служба? Дайте «Первомайский». Комиссара... Ты? Ждешь? Подожди еще две минутки... У тебя всё готово?.. Так. Ну, пока... *(В первую трубку.)* Думаешь, комендант? Ну, думай, люди

ждут, слыхал? *(Смотрит на вынутые карманные часы.)* Истекает время-то... Решай, комендант... Не перебивать там, служба!.. Кто там лезет, на губу загоню... *(Дует в трубку.)* Да, да, говорю. Комендант, жду... *(Пауза.)* Что? Какие будут приказания по «Обручеву»? Комиссара и всех коммунистов освободить... Повтори. Команде прочесть и сообщить всё, что я тебе указал. Да... Комиссара к телефону, бегом... Некогда мне с вами время терять... Жду! *(Откладывает трубку, вытирает лоб платком.)* Ф-фу, д-да... бывает. А сам чуть не проморгал... За форт-то отвечаешь...

В трубке шум, голос.

Да... Здорòво... Что ж ты, друг ситный, — из коечки взяли? Живьем? Неожиданность? Какая такая неожиданность? У хорошего комиссара не может быть неожиданностей, всё должно быть предусмотрено. Видеть сквозь землю на два метра должен. Что тебе делать? Сиди и жди. Пришлю другого. Да, сейчас катер высылаю. А тебя куда? А вот куда надо будет, туда и пойдешь... Да смотри, чтобы с тобой опять неожиданность не приключилась... Выручать больше не буду. Иди, иди, чай пей... *(Соединяется с другими фортами.)* Служба, «Первомайский»... Комиссар? Я... Отставить дело, о котором говорили. И никому ничего... Да нет: порядок... А вообще посматривай... Пока. *(Делает вызов.)* Служба, дайте «Риф». Бобрышев? Отставить дело, о котором говорили... Отпала надобность. Продолжай службу. И тебе того же... *(Вешает трубку.)*

Входит секретарь.

Секретарь. Начальник штаба базы и начарт прибыли, товарищ член Военного Совета.

Воронов. А, зови, зови...

Входят настороженные Рыбалтовский и Буткевич.

Здравствуйте, товарищ начальник штаба, товарищ начарт... Садитесь... Срочное дело, побеспокоил так рано... Ночью произошло восстание на «Обручеве».

Буткевич. Не может быть!

Воронов. Нет, вот — может!

Рыбалтовский. Что же предприняли восставшие?..

Воронов. А мы и предпринять ничего не дали. Предъявили ультиматум от имени Военного Совета Балтийского флота, и они сдались.

Буткевич. Не может быть! То-есть так и должно быть.

Воронов. Да, вот о чем хотел поговорить, поскольку «Обручев» уже успокоен. Не слишком ли часты эти мятежи на фортах, товарищ начальник артиллерии? Ваше ведомство...

Буткевич. Задумываюсь... И прихожу к выводу, что недостаточен партийный контроль. Прошу извинить, я лишь беспартийный специалист, техник, но глубоко принимаю всё происходящее к сердцу. Да, недостаточен контроль... ваших, партийных сил... Сказывается, очевидно, и недостаток воспитательной работы. Понимаю — кадры партийцев слабы, нет еще достаточного опыта, навыков... Не всегда умеют уловить настроение команд... Сами изволите припомнить

рапорт комиссара: «Всё в порядке, настроение команд твердое, бодрое»... А вдруг — и происшествия... Значит, товарищи партийцы не улавливают истинного положения вещей.

Воронов. Полагаю, что уловят, а может, уже уловили...

Буткевич. Тем лучше. А вообще тут сложный комплекс... Но прежде всего советовал бы обратить внимание именно на кадры партийцев. Недостатки их работы вряд ли можно оспаривать...

Рыбалтовский. Николай Николаевич во многом прав.

Секретарь (*входя*). Доставлены двое перебежчиков с Красной Горки, товарищ член Военного Совета... Бежали с форта сегодня утром.

Воронов. Кто такие?

Секретарь. Один военный моряк и одна женщина. Разрешите ввести.

Воронов. Вот случай толком узнать о Красной Горке. Введите.

Секретарь вводит моряка в потрепанной форме и молодую женщину.

Воронов. Вот, послушаем... (*Перебежчику.*) Сообщите, кто и откуда?

Перебежчик. Военный моряк команды службы связи форта Красная Горка член партии Семен Свиридов. (*Подает документы.*)

Воронов (*женщине*). А вы?..

Женщина. Я — жена командира товарища Василия Березкина. Муж мой был на шестидюй-

мовой батарее. Его расстреляли там... *(Всхлипывает.)*

Воронов. Вы успокойтесь. Товарищ Свиридов, расскажите, что произошло на форту и как вы бежали.

Перебежчик. Есть. Двенадцатого, позавчера белые подошли к форту. Мы изготовились к бою. Но ночью Неклюдов со своими пулеметчиками — плохо настроенная, порченая рота — окружил бараки и арестовал коммунистов. Днем тринадцатого Неклюдов передал радио: одно в Биоркэ англичанам — я ваш, мол; другое в Кронштадт: присоединяйтесь — или будете сметены ураганным огнем.

Воронов. Это их и ждет.

Перебежчик. Больше всех лютовал старый царский офицер с двенадцатидюймовой батареи Куприянов... Он всё в Кронштадт до этого ездил. Да — вот к начальнику артиллерии.

Буткевич. Да, да... вспоминаю... Какой двуличный подлец!

Воронов остро посмотрел на Буткевича.

Перебежчик. Сидим арестованные. Пели «Интернационал», «Смело, товарищи», «Вы жертвою пали»... На рассвете пришли офицеры. Вызвали Мартынова, председателя Кронштадтского Совета и других товарищей. Мы стали прощаться. Мартынов крикнул: «Прощайте! Оставайтесь живы! Привет товарищам. Да здравствует Коммуна!» Понял я, что и нам скоро конец. Полез к окну, протискался вниз головой, упал на мешки с песком, еще за мной

лезут, я побежал, оборвался на проволоке, но убежал...

Воронов. Значит, сегодня расстреливали группами?

Перебежчик. Да. Неклюдов, кроме того, запер роту матросов, которая целиком против него. Сидят ребята...

Воронов *(женщине)*. А вы что сообщите?

Женщина *(плача)*. У меня муж погиб. Когда мужей наших расстреляли, нас, жен, забрали. К нам приходили офицеры и рассуждали: что выгоднее — расстрелять и нас или оставить заложницами... Ну, некоторые говорили: «Оставить заложницами» — и смеялись. Ну, сами понимаете — таким смехом... Потом вызвали Шидловскую и Елену Ланскую... Одна была на шестом месяце, другая — на четвертом. Их повели... Слышно — выстрелы. *(Волнуется, накипают слезы.)* Потом нам один матрос шепнул, что бегите, пока не поздно. Дверь открыл, и мы побежали... Другие где-то потерялись. Я вот дошла. *(Вдруг вскинулась.)* Да, вспомнила, вспомнила!.. Чуть не забыла — на форту офицеры говорят: «Если большевики придут, всё взорвем — верст на тридцать всё полетит»... Господи, что же с нами делают? *(Буткевичу, плача.)* Товарищ начальник, за что мучают, за что убивают?

Буткевич оторопело успокаивает женщину.

Воронов. Давить надо предателей, до корня...

Телефонный звонок.

Воронов слушает. Да... Я, товарищ Сталин. Всё выполнено. Как раз еще дела нахлынули. Так точно. Пресек в зародыше... Просил бы разрешения прибыть лично и доложить. Есть. *(Присутствующим.)* Вы пока свободны... Меня вызывают.

Буткевич и Рыбалтовский уходят. Пауза. Входит Шибаев.

Чего такую рань?

Шибаев. Прочтите, товарищ член Военного Совета. Взята ночью в кабинете начальника артиллерии.

Воронов. Буткевича?

Шибаев. Так точно. Товарищ Сталин указал, что он ненадежен. Вот и возникла у меня идейка: проверить квартиру. Проверил. Обнаружил целое сборище контрреволюционеров, оружие... Ясно, что «работает» на ту сторону.

Воронов. Буткевич?!

Шибаев. Так точно... Вы читайте, товарищ член Военного Совета.

Воронов *(не торопясь читает)*. Чёрт знает что... Не может быть!

Шибаев. Так точно: может быть, голые факты и реальные фамилии.

Воронов. Корчевать их до корня, до корешочка, Шибаев!

Шибаев. Этим и занят.

Занавес

ТРЕТИЙ АКТ

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

ЗАГОВОРЩИКИ АРЕСТОВАНЫ

Служебный кабинет Буткевича. Гул канонады с моря: Балтфлот начал операции. Быстро входит Рыбалтовский, как всегда элегантен, уверен.

Рыбалтовский. Ну, что у вас?

Буткевич. Я звонил домой, почему-то не отвечают. Что это значит?

Рыбалтовский. Семейные дела меня сейчас абсолютно не интересуют. Слышите стрельбу? Полным ходом идет реализация их плана: в море «Петропавловск», «Андрей Первозванный», «Олег», эсминцы и тральщики.

Буткевич. Что делать?

Рыбалтовский. Всё, чтобы помочь Красной Горке и парализовать флот... Какой неожиданный поворот событий!

Буткевич. Я же предупреждал, говорил... Чувствовало мое сердце.

Рыбалтовский. Полковник, вас в последнее время охватывает страх. Это противно,

Вы знали, на что шли. Продержитесь еще некоторое время — и вы уважаемый и известный генерал.

Буткевич. Вы уверены? Давно пора, давно... Только большевики помешали производству. А вас поздравим контр-адмиралом.

Рыбалтовский (*махнув рукой*). А!.. Я хотел бы сейчас одного: быть сегодня простым наводчиком на Красной Горке и топить большевистскую эскадру и этих штатских товарищей — рыбам на корм...

Стук в дверь.

Буткевич. Это наш Дэкс. Да!

Дэкс входит в матросской форме.

Какие новости?

Дэкс. Вчера в Петрограде всю ночь шли массовые обыски и облавы. Арестованы тысячи наших людей. Изъят основной запас оружия: до семи тысяч винтовок...

Буткевич. Боже!

Дэкс. Обыск был и в вашей квартире. Арестована ваша жена.

Буткевич. Оленька! А дочь?

Дэкс (*помедлив*). Дочь ваша цела. (*Усмешка.*) Ей вчера повезло.

Буткевич. Боже... обыск... Взяли Оленьку... У меня там оставались бумаги...

Дэкс. Конспиратор...

Буткевич. Я служил тридцать лет государю императору и вашей конспирации не обучался.

Дэкс. Вот когда к вам явится ЧК, вы это и доложите ей. Она, наверное, учтет, «всё поймет», извинится и уйдет...

Буткевич. Да... у меня и тут кое-какие бумаги. Надо уничтожить. Сжечь?

Дэкс. Останется пепел и запах.

Буткевич. Господи, проглотить их, что ли... (*Мелко рвет листочки, жует и глотает.*) Но Олечка, Олечка!.. Надо что-то предпринять.

Дэкс. Всё сделано: я написал самым солидным моим адресатам, мистеру Зиновьеву. Ссылаюсь на вас: ценнейший специалист, незаменимый, и так далее. Уверен, что Ольгу Симеоновну освободят, может быть сегодня.

Буткевич. Буду по гроб жизни благодарен. Какой вы благородный и верный друг семьи!

Рыбалтовский (*полируя ногти*). Господи, закончатся эти семейные излияния или нет? (*Дэксу.*) Где британская эскадра?

Дэкс. Очевидно, у себя в Биоркэ — на якорной стоянке.

Рыбалтовский. Они гнусно — не подберу иного слова — подводят нас. В нужный момент действуем мы, а англичане в стороне.

Дэкс. Не будем спорить об англичанах. Это очень давний мировой спор.

Рыбалтовский. Имеют мощную эскадру — и бездействуют! Да, передайте вы адмиралу Коуэну, чтобы нанесли удар по Кронштадту. И флотом и авиацией.

Дэкс. Насколько я осведомлен в морской истории, последние десятилетия не оправдали ни одного удара флота против крепости. У англи-

чан, в частности, уже был тяжелый урок в Дарданеллах.

Рыбалтовский. А, чёрт побери! Эскадра может идти с гарантиями — я послал англичанам карту минных полей, полковник давал указания на батареи...

Дэкс. Будем практиками прежде всего. Дело принимает явно неблагоприятный оборот. Нельзя Красную Горку отдавать в руки большевиков.

Буткевич. А как же ее нам удержать?..

Дэкс. Ее надо взорвать.

Рыбалтовский (*подумав*). А что же — это идея!.. И взорвать так: по возможности впустив туда «товарищей»... Когда они будут торжествовать на форту, включить ток во все группы — рубильники в минном каземате — и взорвать весь форт.

Буткевич. Кто это сделает?

Дэкс. Я.

Рыбалтовский. Это блестяще. Смотрите схему минной станции и проводку. (*Набрасывает схему.*) Надо проверить все кабели, все запалы. Вы понимаете в этом деле?

Дэкс кивнул.

Ну, двигайте — и бейте всю эту посуду в черепки...

Дэкс. Благодарю. Я возьму эту схему.

Прячет схему. В это время без стука решительно входит Шибаев.

Шибаев. Оставаться на местах (*Буткевичу.*) Пожалуйста, ордер. (*Рыбалтовскому.*) Вам тоже.

Буткевич. К-как ордер? На арест? Какое недоразумение. Я позвоню в Военный Совет.

Шибаев. Оставьте телефон. Вы арестованы.

Буткевич. Нет, нет, нет... Дайте Военный Совет. Это просто скандал, самоуправство Особого отдела!

Шибаев. Сядьте и не шумите.

Звонок телефона, Шибаев берет трубку.

Уполномоченный Особого отдела военный моряк Шибаев слушает. Здравствуйте, товарищ член Военного Совета. На месте. Да, обоих. Бумаг пока не трогал. Сами будете? Есть. (*Глядя на Дэкса.*) А ты кто таков?

Дэкс. Военный моряк Урванцов из Транспортного отдела Главного военного порта.

Шибаев. Документы.

Дэкс (*в тон, требовательно*). Мандат.

Шибаев. Вот ты какой...

Дэкс. Такой... не люблю, когда свои наскакивают, да еще понапрасну... (*Возвращает мандат уполномоченного.*) Теперь прочти мое.

Шибаев (*проверяет удостоверение Дэкса*). Транспортный отдел Главного военного порта. Кто там у вас комиссар?

Дэкс. Петрухин.

Шибаев (*берет трубку*). Служба. Дайте Главный военный порт. Петрухина. Ты посылал пакет в Кронштадт, к начальнику артиллерии? Кто спрашивает? Из Особого отдела спрашивают. Посылал, посылал... Насчет чего? (*Дэксу.*) Дай пакет... (*Пробегает.*) С кем посылал? Давно знаешь его?.. Ну?! Свой в доску! Партийный?

Д э к с (*сидя и спокойно пуская дым папиросы*). Сочувствующий.

Ш и б а е в (*повесив трубку*). Браток, действительно, вроде я напрасно наскочил.

Д э к с. Об чем забота...

Ш и б а е в. Балтиец?

Д э к с. С тысяча девятьсот четырнадцатого.

Ш и б а е в. Кто Вторым Балтийским командовал?

Д э к с. Господи, да кто собаку Гирса не знает!

Ш и б а е в. Так... А кто в Кронштадте главным командиром до февраля был?

Д э к с. Старушек лотошниц спроси, и те ответят. Вирен был. Порвали его в феврале. Собаке собачья смерть.

Ш и б а е в. А кто Минной дивизией в мировую войну командовал?

Д э к с. Ну, Колчак.

Ш и б а е в. А кто...

Д э к с. Слушай, уполномоченный, надоел ты мне, и твои приставанья, и экзамены надоели... Пойди сюда. Почитай. (*Протягивает, сидя, еще один документ.*)

Ш и б а е в читает, несколько меняясь в лице.

Понял? И не надо своим на своего наскакивать. И у другого может быть своя работа... Скажем, по транспорту... Можешь позвонить, ты дошлый, видно, любишь справки наводить. Ну, наведи: Смольный, коммутатор, дайте первый... Иди, иди, позвони, браток... Ах, с тебя и мандата хватит? Дело твое... Зайдешь туда как-нибудь...

Тебе объяснят, кто Урванцов, откуда и почему... Не один ты работаешь. (*Встает.*) Держи пять... Ну, пока... (*Глянув на арестованных.*) Тоже — дают к людям поручения, думаешь — дело, а тут такое... Ну, я пошел... Заглядывай, уполномоченный... Ты, видно, толковый парень. (*Уходит.*) (*Оставшиеся поглядели ему вслед.*)

Ш и б а е в (*Буткевичу*). Вы знаете этого матроса?

Б у т к е в и ч. Каждого матроса знать не обязан... Присылают с пакетами. Матросов в Балтфлоте было сто двадцать тысяч.

Ш и б а е в. А вы?..

Р ы б а л т о в с к и й. Понятия не имею. (*Полирует ногти.*)

Б у т к е в и ч. Товарищ уполномоченный... Надо же кончать недоразумение...

Ш и б а е в. Будет разъяснено. Слышали мой разговор? Приедут...

Входит член Революционного Военного Совета В о р о н о в, с ним путиловцы П о т а п о в, И в а н ч е н к о в и Д а н и л о в а.

Б у т к е в и ч. Слава богу!.. Узнал, успел, приехал... Товарищ член Военного Совета, разберитесь, бога ради!.. Что же делается?!

В о р о н о в. Дело Красной Горки у вас?

Б у т к е в и ч. У меня, у меня... (*Роется в столе. Подает папку.*)

В о р о н о в. Тут есть о минировании форта?

Б у т к е в и ч. Всё есть, всё... Могу разъяснить.

Воронов. Разъяснять буду я... Введите сюда арестованного бывшего коменданта «Обручева»...

Буткевич присел.

Два конвойных матроса вводят бывшего коменданта форта «Обручев». Это тихий, простой человек средних лет. Говорит искренно.

Воронов (*бывшему коменданту*). Показания будете давать перед представителями пролетариата Питера. Говорить правду! Когда вы беседовали с гражданином Буткевичем последний раз?

Бывший комендант. Тринадцатого июня сего года, позавчера, по телефону, товарищ член Военного Совета.

Воронов. Что он вам говорил?

Бывший комендант. Говорил гражданин Буткевич так: «Родион Николаевич»... Мы — знакомые по службе лет десять и именуем друг друга по имени-отчеству... Говорит, значит, так: «Родион Николаевич, приказ номер ноль ноль тринадцать помните?.. Выполняйте». Это означало: начать наступление.

Буткевич. Родион Николаевич, побойтесь бога! Зачем человека оговаривать?

Воронов. Что за приказ ноль ноль тринадцать?

Бывший комендант. Условный знак, поясню.

Воронов. Чей условный знак?

Бывший комендант. «Национального центра».

Воронов. Что это за «центр»?

Бывший комендант. «Национальный центр» — подпольная организация. Создана в июне 1918 года.

Воронов. Год назад?

Бывший комендант. Так точно, товарищ член Военного Совета.

Воронов. И Буткевич с этого времени и состоял?

Бывший комендант. Состоял.

Буткевич. Оговор, оговор! Вот свидетель!

Данилова. Мы вчера на вашей квартире взяли вашу переписку и документы. Бросьте отпираться.

Буткевич. Не бываю на квартире, ночую тут, служу советской власти... За это контрреволюционеры и преследуют... подбросили документы... Видит бог!

Воронов. Ненадежных свидетелей выбираете... (*Бывшему коменданту.*) Рыбалтовский тоже?

Бывший комендант. По флотской, корабельной линии я не в курсе.

Воронов. Цели организации?

Бывший комендант. В задачу входило: первое — свержение советской власти, второе — установление единоличной диктатуры и переход к монархии и третье — немедленное восстановление собственности...

Воронов. Скромные задачки...

Буткевич. Ни сном, ни духом...

Воронов. Что делали в армии и Балтфлоте?

Бывший комендант. Задача заключалась в расстановке членов организации и сборе сведений о всем советском аппарате — партийном, советском, как военном, так и гражданском...

Воронов. Для кого сведения?

Бывший комендант. Пересылались в Финляндию, для английских резидентов...

Воронов. Через кого гражданин Буткевич связывался с «центром» и иностранцами?

Бывший комендант. У Николая Николаевича бывал один матрос...

Шибаев (*застонал, закачался*). Ммм... Живьем ушел!

Буткевич. Оговор, оговор... Люди подтвердят...

Бывший комендант. Матроса этого и я видел. Могу опознать. Интеллигентный вид.

Шибаев. Упустили, ну и раззява я!.. «Свой в доску, сочувствующий братишка...» Братишка его в серой шкуре в лесу бегает. Ну, не уйдет...

Воронов. Ну, достаточно... Шинель дайте гражданину Буткевичу.

Двое конвойных подходят, раскрыв старую офицерскую шинель Буткевича.

Буткевич. А-а... Черный саван... Черный саван... Товарищ член Военного Совета... (*Рабочим.*) Товарищи делегаты! Помогите!.. (*Валится Воронову в ноги, хватает, молит, целует сапоги, протягивает руки Даниловой, та брезгливо отталкивает предателя.*)

Воронов. Поднять и собрать вещи. Полотенце там, мыло, зубную щетку...

Буткевич. А-а-а!.. В тюрьму, в тюрьму!.. Люди русские, спасите!.. Господи, отец всех сил, помоги... А семья-то, Оленька, Леля!..

Рыбалтовский. Полковник, не роняйте достоинства мундира. Перестаньте!

Буткевич (*бьется в руках конвойных*). А-а-а!.. Не виноват, не виноват... (*Рыбалтовскому.*) Подтвердите... Как перед богом... А-а-а!..

Рыбалтовский (*надевая перчатки*). Какая шваль! (*Бьет одной перчаткой Буткевича по лицу, дважды, накрест.*)

Воронов (*конвойным*). Вывести его...

Обвисшего Буткевича, который что-то мычит, выводят из комнаты.

Рыбалтовский. Так-с... Ну, что ж, направимся для дальнейших деловых бесед, товарищ член Военного Совета. (*Светски.*) Прошу...

Воронов. Нет уж, теперь мы вас попросим. Прошу...

Рыбалтовский идет своей упругой, покачивающейся барской походкой, указывая на дверь Воронову.

Шибаев. Пригрели птичек.

Потапов. Во-время взяли...

Данилова. Так как же — поймает Балтфлот этого матроса-агента или упустит?

Воронов (*Шибаеву*). Вот что: весь Балтийский флот перевернуть, найти этого матроса, который к Буткевичу ходил.

Шибаев. Вот так (*жест мимо лица*) прошел... Ну, тип!.. Говорит, как шелком шьет... Ну, каждый скажет — свой! Спокойствие, манера, флотские дела — наизусть...

Воронов. Кончаем разговор... Повторяю: Балтфлот перевернуть — найти.

Данилова. От пролетариата Петрограда требуем: найти.

Шибаев. Есть, перевернуть и найти. Умру, а найду. Вот тут у нас с ним и получится флотский разговор. (*Крепко сжимает кулаки.*)

Занавес

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

ЗАКАТ РОДЗЯНКО

Всё тот же кабинет генерала Родзянко. Тона кажутся поблекшими. Вид людей тоже поблекший, нервозный. Родзянко, небрежно одетый, за столом. Рядом Зейдлиц. Стоит охрана.

Родзянко. Что на Красной Горке? Что с Неклюдовым? Почему не отвечает?

Зейдлиц. Связь прервалась...

Родзянко. Какие были последние данные?

Зейдлиц. Корабли красных ведут с утра ожесточенный обстрел форта двенадцатидюймовыми орудиями... На форту пожары и повреждения. Провода перебиты, ряд казематов обрушился... Часть раненых доставлена сюда. Авиация красных производит налеты. Морская пехота прогрызает предполье обороны форта и приблизилась к форту.

Разрозненные звуки духовых инструментов. Где-то поблизости идут репетиции оркестра.

Родзянко. Что еще?

Зейдлиц. Прибыли господа иностранные представители: капитан второго ранга Эгар...

Родзянко. Нужны они сейчас, как дыра в голову... Просите, но предупредите: я очень занят... Ах, Зейдлиц, Зейдлиц...

Зейдлиц, понурив голову, уходит. Вскоре он возвращается, за ним входит Эгар в британской военно-морской форме.

Зейдлиц. Ваше превосходительство, позвольте представить... Коммендер — это соответствует капитану второго ранга — Эгар...

Обычная церемония поклонов и рукопожатий.

Эгар. Имею честь вручить генералу личное письмо от британского военного министра мистера Уинстона Черчилля...

Вручает письмо Родзянко, который уныло и скучающе пробегает письмо, бросает его на бювар. Слышны звуки мотоцикла.

Родзянко. У нас говорят: «Дорого яичко ко христову дню». Письмо запоздало и практически беспредметно, мистер Эгар... *(Снова отбрасывает письмо.)*

Зейдлиц *(уходя)*. Прибыли бежавшие из Петербурга, ваше превосходительство!

Входят Дэкс, мадам Буткевич и Леля. Дэкс в форме мотоциклиста, в перчатках с раструбами. Мадам, как и дочь, в летнем дорожном пальто.

Мадам Буткевич. Генерал, здравствуйте!.. Ужас, что творится... *(Сбрасывает пальто.)* Ну, возьмите же кто-нибудь там!..

Жабоедов подхватывает пальто.

Аресты... Да, ваш представитель полковник Вадбольский арестован у меня на глазах... Всё, всё рушится... Я тоже была схвачена. Но хорошо, что мне быстро помогли... И я спасена! *(Указывает на Дэкса.)* Он вывез меня. Будьте знакомы.

Поклоны. Дэкс козыряет.

Ужасные дороги... Красные нас остановили в пути. *(Грубо.)* «Пропуск!» Дэкс выстрелил два раза, тот упал, и мы благополучно проскочили... Боже, как я утомлена! Дайте мне пить!

Родзянко подает ей стакан воды.

Нет, зачем воду?.. Дайте коньяку... И скажите, чтобы принесли перчику. Из кухни или из буфета... Обыкновенный перец... Ну, я так хочу... *(Конвойцу.)* Сейчас же, голубчик...

Жабоедов бежит выполнять поручение. Входит военный врач. Обвисшие усы, китель с орденом, повязка Красного Креста.

Врач. Подвоз раненых с Красной Горки усилился. Тяжелые осколочные ранения. Там

форменный разгром... Несколько человек у меня умерло.

Родзянко. Захороните.

Врач. А что же остается — закопаю...

Родзянко (*раздраженно*). Зачем, доктор, вы пристаете ко мне с пустяками? Знаете, бывали в переделках...

Врач уходит. Жабоедов приносит коньяк и перец. Мадам Буткевич встрепенулась, жадно наливает себе и генералу.

Мадам Буткевич. Поль, хотите?

Дэкс отмахивается.

Ваше здоровье, ваши успехи, генерал! (*Лихо пьет.*)

Зейдлиц (*входя снова*). Комендант форта Красная Горка поручик Неклюдов!

Родзянко. Сбежал?

Пауза. Все ждут Неклюдова. Он входит, нервный, одежда не в порядке.

Родзянко. Вас хватило только на три дня?

Неклюдов. Нас хватило... Генерал... это ужас... Вы не представляете себе, что значит огонь этих линейных кораблей... Это непрерывные чудовищные удары в мозг. Вбивают острые железные колья... Кругом пожары, гарь, удушье... Обваливается бетон... А вы мне дали зачем-то финнов. Они начали грабить форт... Как бьют красные! Кто им всё это организовал?.. Кто?! (*Мрачная пауза.*) Почему нам внушали, что они сразу сдадутся, эвакуируются?.. Где Буткевич?

Мадам Буткевич. Nicolas, я здесь... Не надо так переживать.

Неклюдов. Уйдите, я не о вас говорю. Где Буткевич? Где Рыбалтовский? Где их обещанья, гарантии?.. «Поручик, смелее, начните — и перед вами сверкающий путь!..» Сверкают эти чудовищные линейные корабли. Боже, как я верил!..

Звуки панихиды. Хоронят умерших в полевом госпитале.

Родзянко. Кой там чёрт?

Зейдлиц. Доктор хоронит погибших на Красной Горке.

Родзянко. Прекратите!.. Жабоедов!

Жабоедов метнулся.

Неклюдов. Ваше превосходительство! Всё ведь было сделано. Повел весь гарнизон... кроме роты матросов. (*Заметив иностранца.*) А этот тут зачем?.. А, господа союзники?.. Наблюдатели событий. Смотришь, Британия?..

Эгар. Я был в Ютландском бою, знаю истерики после действия огня линейных кораблей. Поэтому не буду отвечать...

Залп эскадры Балтфлота.

Неклюдов. Вы всегда «не отвечаете». Вы всегда «наблюдатели». Шлете нам письма, комплименты, клозетную бумагу, зубные щетки, бритвенные ножички... (*Швыряет из грудного кармана какие-то пакетики.*) Нам доставили эту

английскую рвань — «доблестной Красной Горке»...

Второй залп эскадры.

Мы, идиоты, верим... Ждем.

Третий залп.

А они — большевики — не верят. Умницы... Господи, зачем я расстрелял там столько людей! *(Эгару.)* Вам всё равно... двести — да больше!— таких, как я, русских... Что вам Россия? *(Плача.)* А, пусть бьют — огонь! По нас... Огонь, большевики!

Еще залп.

Мадам Буткевич. Nicolas, дорогой, перестаньте! Nicolas, у вас просто нервы... Успокойтесь, возьмите себя в руки. Вы же дворянин, офицер...

Неклюдов. Нервы?.. Дворянин? Я устал от вранья — всю жизнь вранье... «Мадам», «месье»... И все кланяются, лезут, что-то болтают, и все врут, утомительно и отвратительно...

Мадам Буткевич подает Неклюдову бокал коньяку.

Зачем вы лезете ко мне, Ольга Буткевич? Вы — старая кокетка, захватанная любовниками, английская шпионка... Уйдите все со своими мужьями, дочерьми, любовниками... Семейка...

Леля. Заставьте его замолчать!..

Мадам Буткевич. Nicolas!

Звуки оркестра: «Боже, царя храни!» Все обернулись, обомлели. Эгар встал, вытянулся.

Неклюдов. О, прекратите эту ложь!

Родзянко. Зейдлиц! Капельмейстера сюда!..

Зейдлиц метнулся. Оркестр играет. Родзянко машет руками и кричит: «Остановить! Остановить!» Музыка затихла. Зейдлиц втаскивает капельмейстера.

Капельмейстер. Зауряд-прапорщик Мешков прибыл, ваше превосходительство.

Родзянко *(тяжело дыша, бьет капельмейстера по лицу)*. Ты, подлец, смеешься? Над мертвыми! И над государем! И над нами?! Двуличная тварь! *(Бьет снова стэком.)* Сегодня «Марсельезу», «Интернационал», завтра — «Боже, царя...» *(Бьет.)* Жабоедов!

Жабоедов. Я, ваше превосходительство. Повесить, ваше превосходительство?

Родзянко. Выпороть... Дать сто... *(Выталкивает капельмейстера.)* Господа, я прошу всех успокоиться... Я понимаю—отступление, бегство, стрельба... Но надо спокойнее...

Входит Зейдлиц. Он бледен. Подает Родзянко телеграмму.

Зейдлиц. Телеграмма от Верховного — адмирала Колчака...

Родзянко читает телеграмму и тяжело оседает на кресло.

Мадам Буткевич. Генерал, что с вами? Глотните, и вам станет лучше. *(Берет телеграмму, читает вслух.)* «Командующим Северо-Западной армией назначаю генерала от инфантерии Юденича»... Генерал, это ваша отставка?

Родзянко молча кивает головой. Зейдлиц молча, интимно-сочувственно гладит Родзянко по плечу. Снова панихидное пение из полевого госпиталя. Люди сидят мрачные, неподвижные.

Мадам Буткевич. Пошлите кого-нибудь, чтобы эти идиоты замолчали наконец... Нет сил...

Эгар. Милостивые государыни и милостивые государи! Я отдаю дань потрясенным чувствам, эмоциям, но я хотел бы узнать, наконец, о делах, которые нужно продолжать.

Мадам Буткевич. Генерал, да, да, скажите, что нужно делать... Поль, вы всегда спокойны... Надо что-то делать, господа. Взят муж, неизвестно, что с ним... Остаюсь я и дочь... И мы будем действовать... Борьба продолжается... Вот этими ногтями я выцарапаю глаза большевикам. Борьба продолжается... сегодня и завтра, на годы... Генерал, диктуйте...

Входит Жабоедов.

Жабоедов. Ваше превосходительство, ваше приказание сполнено... Всыпал... Лежит, не встает...

Эгар. Я полагаю, что мы не оставим Красную Горку большевикам.

Родзянко *(Неклюдову)*. Поручик Неклюдов, форт подготовлен к уничтожению?

Неклюдов. Да, к взрыву приготовлен... Минеры оставлены.

Родзянко *(Эгару)*. Вы напомнили о существенном деле... Благодарю...

Неклюдов *(придя в себя)*. Ваше превосходительство... Я что-то наговорил тут?.. Не мог иначе, ваше превосходительство... Накипело... Столько пережил за эти три дня... Готов под суд. Отдавайте, ваше превосходительство. Но и перед судом скажу: союзники предадут. Вот таких, как я, и прочих, погонят в лагеря, на работы. Я же знаю. Мне отец, старик мой — генерал, рассказывал о британских методах, про бурскую войну, про Индию... Ваше превосходительство! Поймите происходящее... Что-то огромное надвигается, всё в мире переворачивается... *(Указывает на Эгара.)* Что ему Россия!

Родзянко. Поручик, замолчать! Средства для взрыва на месте? Заложены? Люди для этого найдутся?

Неклюдов. Там остался матрос, старый минер... Он сказал мне: «Ну, нагрешили, только смертью искупать!» Он взорвет.

Родзянко. Старый матрос? Гм... Ненадежно... Надо проверить, обеспечить... Кто же пойдет от нас?

Эгар. Он пойдет. *(Указывает на Дэкса.)* Ему нужно переодеться... Морскую форму, генерал.

Родзянко. Жабоедов! Сними там с убитых или раненых... Быстро. Второй рост. Матросское, полный комплект.

Жабоедов. Слушаю, ваше превосходительство! (Уходит.)

Новые залпы, всё ближе. Дребезжат стекла.

Эгар (*Дэксу*). Я буду рад засвидетельствовать королевскому правительству, что в критические минуты вами были проявлены образцы хладнокровия и доблести.

Дэкс. Благодарю.

Новые залпы.

Мадам Буткевич. Надо уйти отсюда. Они разобьют дом... Господи, нигде покоя нет... Какой век, какой век!..

Входит Жабоедов.

Жабоедов. Доставил!.. Еще тепленькое. (*Передает Дэксу комплект обмундирования, снятого с раненого.*)

Дэкс берет вещи, идет переодеваться.

Эгар. С вашего разрешения, генерал, визит свой могу считать законченным?

Родзянко. Так получилось. Вы сами видите... сами виноваты...

Эгар. Борьба продолжается, генерал. Что имеете вы передать, сэр, в Лондон?

Родзянко. Это уже передаст Юденич.

В матросской форме входит Дэкс.

Мадам Буткевич. Дайте я благословлю вас на дорогу.

Крестит и целует Дэкса в лоб, он иронически на нее глядит. Леля подходит, жмет руку, волнуясь.

Мадам Буткевич. Поль, вы — смелый человек (*Язвительно, оборачиваясь.*) Мсье Неклюдов мог бы взять с вас пример. Я преклоняюсь перед вами, Поль.

Дэкс. Оставим ненужные слова.

Родзянко. Неклюдов, у вас остались ваши бланки? Надо дать удостоверение. (*Указывает на Дэкса.*)

Неклюдов (*шарит по карманам*). Ага... я напишу... Предъявитель сего военный моряк... Как пометить?

Дэкс. Военный моряк Балтфлота Павел Урванцов.

Неклюдов (*пишет*). Павел Урванцов... действительно является...

Дэкс. Минером-подрывником форта Красная Горка...

Неклюдов. Минером-подрывником форта Красная Горка... Подпись...

Дэкс. Благодарю вас. (*Присутствующим.*) Ну, пожелаю всего доброго. Я буду там быстро.

Мадам Буткевич. Добрый путь, Поль. Мы ждем вашего возвращения.

Родзянко. И не рискуйте — возвращайтесь обязательно.

Эгар. Целиком присоединяюсь к просьбе генерала.

Занавес

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

БОРЬБА ЗА ФОРТ

Береговой участок фронта. Расположение 1-го экспедиционного отряда моряков. Сквозь сосны видно море. Матросы наблюдают за стрельбой линкоров «Петропавловск» и «Андрей Первозванный». Возбуждение... С воем сирен мимо берега идут эскадренные миноносцы... Залпы...

Голоса. Ух, дают! Дай, «Петропавловск», дай, «Андрей»!

Свист снарядов с полевой батареи мятежников. Все прилегли.

Голос. Тоже дает... Земные поклоны кладете? Паломники...

Взводный. Сигнальщик, семафорь на головной эсминец: «Просим подавить батарею противника, расположенную на оконечности мыса».

Сигнальщик. Есть.

Быстро семафорит, вызывая головной эсминец. Снова свист снаряда. Матросы вжимаются в землю.

Голос. Заскучали?

Залп с эсминца. Все привстали. Отряхиваются.

Голоса. Тут она ему и сказала...
Голос. За мной, мальчик, не гонись.

Второй залп с эсминца.

Голоса. Недолет. Подожди... сейчас даст.

Третий залп с эсминца.

Гул голосов. Ага-а! Уррра!..

Вверх летят бескозырки.

И лапки вверх! Вот дали! В самую батарею! В щепки... «Адмирал изъявляет свое удовольствие лихим эскадренным миноносцам»...

Взводный. Сказано: «Грозой на банду белых куцую ударят Питер и Москва, и мир-ровую революцию не сдаст балтийская братва!»

Голос. Дорога на Горку теперь открыта!..

Голос. Кого-то взяли...

К толпе подводят раненого матроса, его провожают двое.

Голоса. Откуда?.. Кто?..

Один из провожатых. Перебежчик с Красной Горки...

Голоса. Ну-у?.. Эй, вали сюда, живой с Красной Горки!

Взводный (*молодому матросу*). Потапов, на носках за командиром отряда. Скажи — перебежчика привели!

Молодой матрос Потапов бросился выполнять поручение.

Голоса. Видал, как батарейку ковырнули?

Перебежчик. Видал.

Взводный. А ты кто таков?

Перебежчик. Военный моряк.

Взводный (*напирая*). А дальше?

Перебежчик. Член партии.

Взводный. Партбилет!..

Перебежчик (*достает здоровой левой рукой*). На...

Взводный. Почему сохранил?

Перебежчик. А не видел надобности паниковать. Знаешь, как партбилет беречь надо?..

Голоса. Вот, правильно... Ты его на бога не бери, взводный...

Подходит командир 1-го экспедиционного отряда.

Взводный. Смирно! Товарищ командир отряда, первая рота в отрядном резерве. Ведем опрос перебежчика с Красной Горки. Вот его документы.

Командир отряда (*посмотрев документы*). Что на форту?

Перебежчик. Пожары, всё горит... Начальство — Неклюдов и его свита дают тягу.

Голос. Чего ж нам ждать?

Командир отряда. Тихо!.. Оборона форта цела?

Перебежчик. Часть орудий повреждена... Главное, гарнизон в полном расстройстве...

Голос. Что ж ждать! Ударим — и в дамках...

Командир отряда. А это без советников решу. *(Перебежчику.)* Отвечаешь за каждое показание.

Перебежчик. Могу показать путь. Знаю и пропуск. *(Негромко.)* «Петербург». Что ж, пошли или раздумали?

Матросы впились в командира: Что решит?.. Кто-то опять простонал: «Эх, чего ж ждать-то?»

Командир отряда. Горнист, большой сбор!

Матросы оживились... «Живем! Даешь Неклюдова!» Горнист играет сигнал. Подбегают новые люди на сбор. Матросы перед боем: идут последние приготовления. Кто-то от нетерпения выбивает чечетку. Лязгают затворы. Незаметно подходит товарищ Сталин. Его сопровождают Воронов, Шибаев, путиловцы-делегаты Данилова, Иванченков. Бойцы узнали Сталина.

Командир отряда. Смирно! Товарищ народный комиссар, командир Первого экспедиционного морского отряда Балтийского флота... Расположены в полутора километрах от мятежного форта. Отряд готовится к бою, происшествий никаких не случилось.

Сталин. Здравствуйте, товарищи матросы.

Все. Здрасс!..

Сталин. Вольно... *(Командиру.)* А почему сыграли сбор?

Командир отряда. Обстановка благоприятная. Вот матрос с Красной Горки бежал...

Сталин. Документы проверяли?

Командир отряда. Так точно, проверили.

Сталин. Когда вы бежали?

Перебежчик. Час тому назад... Пришли выводить в расход. «А ну, члены РКП, собирайся!» Я решил: так пропадать и так. Кинулся... Стой, стой!»... Один кричит, заступается: «Зачем убивать?» Я — ходу. Стреляют. Попало вот в руку.

Сталин. Что делается на форту?

Перебежчик. Вся площадь в пределах фортового пояса завалена осколками снарядов бетоном, убитыми. Все казармы городка уничтожены. Лес горит. Пожары. Командный пункт значительно поврежден. Неклюдов сбежал.

Сталин. Как гарнизон?

Перебежчик. Идут споры: сдаваться или сопротивляться.

Сталин. У нас есть сведения о подготовке взрыва форта.

Перебежчик. Да, есть слух о том, что готовится взрыв... Несколько минеров засело в минном каземате. Там один отчаянный старый минер. К нему подослали сегодня какого-то инструктора из штаба белых, на мотоцикле...

Сталин. В итоге получается, если подумать без горячки, что обстановка пока неблагоприятна. Рисковать отрядом не будем. *(Командиру отряда и Воронову.)* Нужно предварительно выслать разведку, постараться проникнуть в казематы, к матросам. и выяснить обстановку.

Шибаев. Я пойду, товарищ Сталин.

Воронов *(вынимая папку)*. Вот тут подробно указано всё минное устройство форта.

Перебежчик. Можно прямо идти в минный каземат. Я проведу, товарищ Сталин.

Сталин. Не лучше ли вам идти на перевязку? Товарищи сумеют найти дорогу.

Перебежчик. Мне недавно делали перевязку свои — на заставе. Я проведу товарищей, если разрешите, товарищ Сталин. Знаю все ходы и выходы, пять лет на форту отслужил. Я знаю и сегодняшний пропуск.

Сталин. Это пригодится. Ну, хорошо, идите...

Из рядов отделился молодой матрос Потапов. Волнуется. В руке записка.

Молодой Потапов. Товарищ народный комиссар! Разрешите обратиться.

Сталин. Я вас слушаю, товарищ.

Молодой Потапов *(читая, несколько сбиваясь)*. «Прошу разрешить настоящую судьбу мою. Ввиду надвинувшихся событий на Красный Петроград, мое молодое коммунистическое сердце не желает находиться бесполезным организмом...» В резерве стоим, товарищ Сталин... «всецело желаю оказать содействие»... Пустите в разведку! «Дабы поделом наказать затравщиков Англии и их наймитов»...

Сталин *(с улыбкой)*. С моей стороны нет возражений. Как ваша фамилия?

Молодой Потапов. Потапов, Андрей.

Сталин. Вы петроградец?

Молодой Потапов. Да, с Путиловского.

Сталин. Вы не сын ли Петра Степановича Потапова?

Молодой Потапов. Сын. А вы и отца знаете? Он мне рассказывал, как вы в Сибири были и побеги делали... Шесть побегов... Это здóрово!

Сталин. Ваш отец мне тогда очень помог. Сейчас он здесь. Он задержался в штабе — составляет отчет.

Молодой Потапов. А что слышно в штабе? Как обстановка, товарищ народный комиссар? Что в Питере?

Матросы сгрудились, интересуются.

Сталин. Могу передать вам вести о делах в Петрограде: там раскрыт крупный контрреволюционный заговор. В ночь на сегодня рабочие отряды Петрограда произвели массовые обыски в буржуазных кварталах. *(Выдвигает за плечи Данилову несколько вперед.)* Вот участник дела расскажет вам. Вскрыты подпольные вражеские гнезда, арестовано несколько тысяч контрреволюционеров.

Молодой Потапов. Отец, наверное, участвовал в раскрытии!

Сталин. Участвовал.

Один из матросов. А что контрреволюционеры готовили?

Сталин. Цель заговорщиков: взять в свои руки всю Кронштадтскую крепость, подчинить флот, открыть огонь в тыл нашим войскам и прочистить Родзянко путь в Питер...

Молодой Потапов. По нас стрелять хотели?

Сталин. Да. Теперь ясно нахальство, с которым шел Родзянко на Питер со сравнительно небольшими силами.

Голос. Рассчитывал нас с тыла стукнуть!

Сталин. Рассчитывал на бывших людей, обиженных буржуа, помещиков, продажное офицерство... Они копили оружие и ждали удобного момента, чтобы ударить нам в тыл и занять город.

Молодой Потапов. Ну, нашел простачков!

Сталин. Петроградские рабочие не стали ожидать такого удара и выступили сами. Заговорщики и шпионы отведены в «спокойные места».

Молодой Потапов. В «дом отдыха»... (*Жест «под замок».*) Это я одобряю.

Другой голос. Оружие у них забрали, товарищ Сталин?

Сталин. Несколько тысяч винтовок, пулеметы и в одном посольстве даже орудие.

Голоса. Вот дипломаты! Дипломаты от артиллерии!

Молодой Потапов. По-русски сказать — пушкари-дипломаты...

Сталин. Да, дипломаты фальшивые... Каковы же итоги дела в целом?.. Расчеты противника на занятие Питера, захват Кронштадта и Балтийского флота оказались преждевременными. Нас пугали контрреволюционными генералами. Теперь эти генералы бегут, как чёрт от ладана. Нас пугали всякими «сюрпризами» войны. Но оказалось, что пролетарские военные работники могут устраивать и устраивают врагу сюрпризы

еще покрепче буржуазных. В чем теперь задача? Нанести противнику последний сильный удар и занять Красную Горку. Для этой цели и двинуты отряды моряков Балтийского флота. Корабли «обработали» Красную Горку, решили свою задачу. Теперь: решите вы свою задачу?

Молодой Потапов. Честное комсомольское, решим, товарищ Сталин!

Взводный. Кто как — не знаю, но наш первый батальон — глаза пусть лопнут — задачу выполнит. Ребята какие, товарищ народный комиссар! Заводские...

Сталин. А задача какая! Дело не только в этой Горке, дело в Революции, в будущем всего народа. Врагу надо показать, что всякая его попытка подавить движение народа будет беспощадно отбита.

Взводный. Понимаем, товарищ народный комиссар, посылайте!

Сталин. Сначала проведем разведку... Двигайте, товарищ Шибаев. До встречи на Красной Горке.

Шибаев. Есть. Когда закончу разведку и установлю, что можно продвигаться, я дам красную ракету.

Данилова (*бросается к Шибаеву*). Ну, счастливо вам!.. (*Смотрит на матроса горячим долгим взглядом.*)

Молодой Потапов (*Сталину*). Так до встречи на форту. Если батю моего увидите, скажите ему: будет полный порядок.

Сталин (*улыбаясь*). Я тоже так думаю...

Минный каземат на форту. Распределительная доска, рубильники. У стола сидит мрачный, медлительный, седоусый минер. Рядом с ним — Дэкс.

Старый минер. К чему же пришли?

Дэкс. Кронштадт не поддержал. Корабли расковыряли на форту всё в пыль и пепел.

Старый минер. Петроград молчит.

Дэкс. Еще хуже. Англичане не пришли. А, сволочи!..

Старый минер. И не говори...

Дэкс. Остались мы брошенными. Сбежал Неклюдов, арестованных перебил. Зачем? Что ему коммунист Михаил Михайлович Мартынов сделал? Рабочий человек, простой, душевный... О людях всегда беспокоился...

Старый минер. Оставим мертвых. У нас свои заботы...

Дэкс. Вот жизнь и к концу подошла... Ах, что натворили! Что натворили!.. Позовут, спросят: «Военный моряк, старший минер Степан Петрович Брызгалов!» — «Есть!» — «Поднял руку на Советскую власть, на Ленина, на народ?» — «Опутали, виноват». — «Ах, так, — скажут, — виноват? Становись, старый минер, к стенке, раньше думать надо было»... Решают просто. Вот она как смерть-то подбирается к человеку. Ее и не ждешь, а она сама подбирается... «А я, — скажет старый минер, — после службы к своим думал ехать, в деревню»... Как же, пустят тебя, виноватого... Так и пропадешь «без

вести», и семья словечка не узнает... Был, скажут, Брызгалов и исчез, как пыль в воздухе...

Старый минер задумался, вынимает лист бумаги, начинает что-то писать.

Что пишешь?

Старый минер. Подожди... (*Пишет, тяжело думает.*) Слушай, друг Урванцов... Павел, кажется?

Дэкс кивает.

Большую и горькую правду ты говоришь, Павел. Ценю, что пришел и готов разделить со мной даже смерть. Так?..

Дэкс с усилием кивает.

Видно, человек ты настоящий, русский. (*Пауза.*) Одна у меня просьба к тебе будет.

Дэкс насторожился.

Иди и письмо вот это в деревню, семье моей передай.

Дэкс облегченно усмехнулся про себя.

Адрес указан. Прощанье мое, вина моя и благословенье...

Дэкс. Да нет, я уж до конца с тобой буду, Петрович.

Старый минер. Ценю — поэтому и прошу: иди. Последнюю волю мою исполни.

Дэкс (*испытующе*). Значит — решил?

Старый минер (*показал на рубильни-*

ки). Оба рубильника — и всё! *(Жест «общий взрыв».)*

Дэкс. А кабели и запалы проверил?

Старый минер *(удивленно).* А как же!.. Ну, двигай.

Дэкс. Ну, перед последней волей должен склониться. Давай. Куда доставить?

Старый минер. Написано.

Дэкс *(читает).* «Новгородская губерния, Старорусский уезд»... Будет сделано, Петрович.

Старый минер. И не мешкай. Неклюдовцы тут кругом. Иди, друг. Пропуск: «Петербург».

Дэкс. Ну... попрощаемся.

Старый минер. С богом!..

Троекратно целуются. Дэкс направляется к выходу. Входит Шибаев с двумя своими спутниками.

Дэкс *(отпрянув).* Ты?..

Шибаев *(спокойно и холодно).* Я... Прошлый раз ты просил заходить, вот я и вспомнил, заглянул...

Старый минер. Кто таков? Откуда пришли?

Дэкс. Ну, что я тебе говорил? Придут, потянут к Иисусу: что да откуда, да кто родители, да становись к стенке. Из ЧК пришли, Петрович. Знаю его. Володька Шибаев. За нашими головами пришли.

Старый минер. Вот оно как!.. Не дамся.. *(Вынимает наган.)* Оружие сними, ну!.. *(Перебежчику и молодому Потапову.)* И ты, и ты, щенок!

Дэкс быстро и радостно снимает оружие с трех моряков.

Еще не брали Степана Петровича живьем. И садитесь там, и сидите тихо. Ишь, в секретную минную за Петровичем пришли!..

Шибаев. Не пугай наганом, пуганые... А зачем я пришел, объясню. Таких, как ты, дураков жалко... Сидите, со страху еще наделаете бед... А с народом ты советовался? Все они с тобой взрываться желают? Только и мечтают об этом... Россия форт создала, пот, труд свой вложила, защиту возвела, а Брызгалов один всё в воздух пустить хочет?..

Дэкс. Не агитируй, чекист!

Шибаев. Степан Петрович, значит, с народом говорить не желаешь?

Старый минер *(тяжело, медленно).* Нет. Почему?.. От народа я никогда не отказывался.

Дэкс. Не надо народа, Петрович.

Старый минер *(тяжело, медленно).* То-есть как «не надо народа»? Ты решал, советы мне давал, а люди, действительно, ничего не знают. Их Неклюдов запер под замок... «Не надо народа»? Нет, так нельзя. *(Молодому Потапову.)* Эх, малый, беги, открой там выход ребятам...

Дэкс. Не надо!

Шибаев *(молодому Потапову).* Беги, Потапов. Часовому кричи пропуск «Петербург», скажи: приказ, мол, — и выпускай ребят...

Молодой Потапов. Оружие.

Молодой Потапов, получив оружие, помчался. Слышен крик часового: «Стой!», ответ молодого Потапова, пауза, несколько возгласов, выстрелов — все насторожились... затем неистовое «ура!»

Голоса. Освободили... Ребята железные! Неклюдов зубы обломал на них...

В каземат врываются освобожденные. Молодой Потапов сияет.

Молодой Потапов. Я винтовку у часового отобрал!..

Голос. Шибаев, Володька! Откуда? Здоро́во!

Шибаев. Здоро́во, Вася! Дело есть, заглянул...

Голоса. А что этот старик тут у минных рубильников делает? Форт взорвать хочет? Забирай старика!

Молодой Потапов. Стой!.. Это он послал вашу роту освободить.

Голос. А это кто с ним?

Голос (*Дэксу*). Кто таков? Чего здесь делаешь?

Несколько человек надвинулись на Дэкса.

Шибаев. Тихо!.. Потапов — к рубильникам на пост. Никого не подпускать.

Молодой Потапов встал на пост, вскинул винтовку наизготовку.

Я вам скажу, кто он таков и что он тут делает. И ты, Петрович, послушай. Присылают к нам в Россию разных типов, пошпионить... Вот и прислали среди прочих одного молодого человека, хорошо знающего наш язык... Жил он в России с начала германской войны 1914 года, втерся во флотскую среду... Ну, прямо свой! За словом в карман не лезет, ходы-выходы знает... Душу матроса изучил иностранный шпион. Квартира в Питере есть, деньги есть — и работает себе. Документ выправил на имя матроса. И имя взял: Павел Урванцов. Может, и крестик медный на шее носил. Расход небольшой. Словом, «работал» с умом. Скольких он загубил, еще не подсчитано. Подсчитаем. А сейчас сюда явился, за душу старика взялся: нагрешил-де ты, а выход один — рвануть форт, и все расчеты с жизнью кончены...

Все смотрят на Петровича. Он потрясен.

Старый минер (*Шибаеву*). Правду говоришь?

Шибаев. Истинную.

Старый минер (*Дэксу*). Что же ты, паскуда, со мной, с русскими людьми сделать хотел?

Дэкс молчит.

Молодой Потапов (*показывая на Дэкса*). Я догадываюсь. Он хотел дождаться, когда отряд начнет штурм, и тогда всех на воздух!..

Старый минер. Всё верно... Советовал...

Молодой Потапов. Я и догадался. (*Дэксу.*) На воздух? Тысячу ребят, и каких ребят — живая Балтика, один к одному ребята... Зачем их губить?.. Народ советский: вся жизнь впереди, только на дорогу выходим... Разобьем белых, англичан — жизнь начнется. Что же ты, шпионская твоя морда, думаешь?

Дэкс (*ища компромисса*). Давайте прежде

всего не кричать... Можно найти спокойный деловой язык. Я вам объясню ряд вещей...

Прокатился гул возмущения. Дэкс шагает, взвешивая свои слова.

Молодой Потапов. К рубильникам не подходить, застрелю.

Дэкс (*сдаваясь, Шибаеву*). Вот что я хотел бы вам сказать: всегда можно договориться... Обмен пленными... Взаимный расчет... Я предлагаю трезвый подход, есть и такая комбинация! Я...

Старый минер (*перебивая Дэкса*). Иуда ты — и больше ничего. (*Стреляет в упор.*)

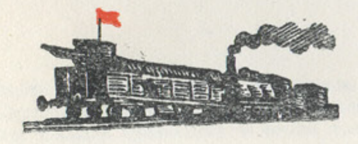
Дэкс убит.

Вяжите меня, ребята...

Шибаев. Брось, старик! Пойдем неклюдовцев глушить! (*Своим.*) Давай красную ракету!

В ночной тьме — красная ракета.

Занавес

ЭПИЛОГ

Огромное береговое пространство Финского залива. Белая ночь. Сирены с моря. В свете прожекторов идет последний удар. Сквозь проволоку и огонь хлещут матросские цепи. Сверкает огонь пулеметов белых. Всплески «ура». Отблески пожаров. Наконец матросы у кольцевого броневого вала. Форт взят.

С шипеньем и лязгом подходит бронепоезд. Раскрылась броневая дверца. Из нее выходит товарищ Сталин. К Сталину, рапортуя, подходит Шибаев.

Шибаев. Задание выполнено, товарищ Сталин. Действительно намечался взрыв, но был предотвращен.

Данилова (*подбегая, в походном снаряжении, с винтовкой, схватила Шибаева*). Шибаев, жив?.. (*Не может скрыть своей радости, обняла матроса. Шибаев несколько смущен.*) Виновата, товарищ Сталин, помешала беседе... (*Шибаеву.*) А матроса-шпиона поймал?

Шибаев. Взял.

Данилова. А где он?

Шибаев. Лежит там, налево за углом. (*Сталину.*) Личные моменты помешали, извиняюсь, товарищ Сталин. Я продолжу. Установлено проникновение на форт англо-белогвардейской

агентуры. Означенная агентура ликвидирована.

Сталин. Записана «в расход»?

Шибаев. Так сложилось... Разрешите, товарищ Сталин, по служебной надобности обратиться к взводному. *(Получив согласие, окликает взводного 1-го экспедиционного отряда.)* Взводный, надо быстренько сменить часового у рубильников минного каземата.

Взводный. Есть сменить! *(Одному из матросов.)* Станешь на пост в минном каземате.

Матрос. Есть.

Шибаев. Не подпускать к рубильникам никого: ни брата, ни папу, ни маму. Сейчас пустим минеров обезопасить кабели...

Матрос. Есть. *(Уходит на пост.)*

Сталин *(взводному)*. Ну, как настроение?

Взводный. На ять! На красной черте, товарищ Сталин! Вы нам здо́рово помогли, с бронепоезда... Нас прижало было у первой проволоки... Лежим, заскучали. Тут бронепоезд — как даст, ну, их пулеметы замолчали. Мы встали. А тут, смотрю, делегатка... *(Кивает на Данилову.)* Кричит: «Вперед, вперед, Балтика!» Ну, нас за живое взяло... Женщина — и покрикивает...

Сталин. Чем же вы недовольны?

Взводный. Нет, мы ничего... Просто заело.

Сталин. Зацепило?

Взводный. Зацепило! Ну, думаем, не отставать же, ну и дали рывок...

Сталин. Значит, выходит, что товарищ делегатка помогла вам?

Взводный *(вздыхает)*. Выходит...

Сталин. Смотрите — еще будут случаи: женщины и опережать вас будут...

Взводный. Что ж, это мы еще посмотрим...

Данилова. Ладно, и мы, женщины, посмотрим... *(Окидывает взводного взглядом превосходства.)*

Шибаев. Ладно, будем смотреть вместе. *(Берет ее за руку, Данилова счастливо заулыбалась.)* Там и выяснится — как и что...

Приходит молодой Потапов, сияет.

Вот, товарищ Сталин, разрешите доложить. Военный моряк Андрей Потапов. Освободил на форту роту заключенных матросов и первый стал на часы у рубильников минного каземата и этим не дал заговорщикам произвести взрыв.

Молодой Потапов. Да я просто выполнял его *(указывает на Шибаева)* приказания... Ничего такого особенного не сделал. А вот он напирал — это да! Ох, батя идет! *(Увидел своего отца и Иванченкова.)* Разрешите, товарищ Сталин?

Сталин кивнул головой.

Молодой Потапов кидается к отцу, обнимает его, целует.

Потапов. Андрюшка, ты как тут?

Молодой Потапов. С разрешения товарища Сталина. Можешь его спросить. Ейбогу, батя.. Да, батя, дела на форту — полный порядок, четкая революционная служба и Советская власть.

Потапов. Очень бойцы просят вас, Иосиф Виссарионович, выступить.

Сталин. Ну, раз просят такие отличные боевые товарищи... *(Встает.)* Хорошо, коснемся некоторых весьма актуальных вопросов. *(Поднимается на пригорок.)* Приветствую бойцов Петроградского фронта и Балтийского флота, выполнивших важное правительственное задание. Передаю им благодарность советского правительства.

Гул ответа: «Служим трудовому народу!».

В критическую минуту с вами были товарищ Ленин, поддержка пролетариев Питера и миллионных масс всех наций, населяющих нашу необъятную страну. Вот эта народная поддержка и помогла решить задачу. Враг отбит, но означает ли это, что он оставит свои попытки нападать на нас? Нет, таких гарантий нет. Враг упрямствует, он отверг мирные обращения Советов, он хочет вооруженной силой принудить нас к сдаче. Что ж, может быть, пойти на уступки?

Все. Нет!

Сталин. Иного ответа у советских людей и быть не может. Чего хочет враг? Враги хотели бы видеть Советское государство беззубым, безоружным, падающим ниц, окровавленным. Нет, товарищи!.. Пусть составители такой «программы» убираются ко всем чертям. Если уж быть кому-нибудь окровавленным, мы приложим все силы к тому, чтобы разбитым в кровь, окровавленным оказался буржуазный стан, а не Советское государство.

Общее согласное и грозное «ура». В порыве все подняли винтовки. Сквозь толпу прокладывают дорогу трое связистов: «Пропустите, а ну, потеснитесь!»

Связист *(пробравшись к товарищу Сталину)*. Разрешите обратиться, товарищ народный комиссар!

Сталин. Слушаю вас.

Связист. Так что связь восстановлена. *(Улыбаясь.)* Тянули за вами беспрерывно, поспели, товарищ народный комиссар. Можно и по телефону, а с последней станции и по юзу, хоть в Москву связь давать, хоть куда — на всю Россию...

Сталин. Так... Дайте мне последнюю станцию.

Связист. Есть. Алле, Егорушкин! Это я... Будет говорить народный комиссар.

Сталин *(подходя к ящикам, где установлен телефонный аппарат)*. Товарищ Егорушкин? Здравствуйте. Говорит Сталин. Как устроились? Хорошо?.. Запишите, пожалуйста, телеграмму. Да, жду... Готовы? Так... «Москва запятая Кремль запятая Владимиру Ильичу Ленину точка Вслед за Красной Горкой ликвидирована Серая Лошадь точка Орудия на них в полном порядке точка Идет быстрая проверка всех фортов и крепостей точка Морские специалисты уверяют запятая что взятие Красной Горки с моря опрокидывает морскую науку точка Мне остается лишь оплакивать так называемую науку точка Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей *(поглядел на Потапова, Данилову и других)* и вообще штатских в оперативные дела запятая доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных точка Считаю своим долгом заявить запятая что я и

впредь буду действовать таким образом запятая несмотря на всё мое благоговение перед наукой точка С т а л и н». Передадите быстро, товарищ Егорушкин? В момент?.. Ну, отлично... Благодарю вас. *(Обращаясь к командирам и Воронову.)* Захваченные орудия Красной Горки немедленно повернуть по тылам белых. Открыть огонь и гнать, и гнать их на запад.

Занавес